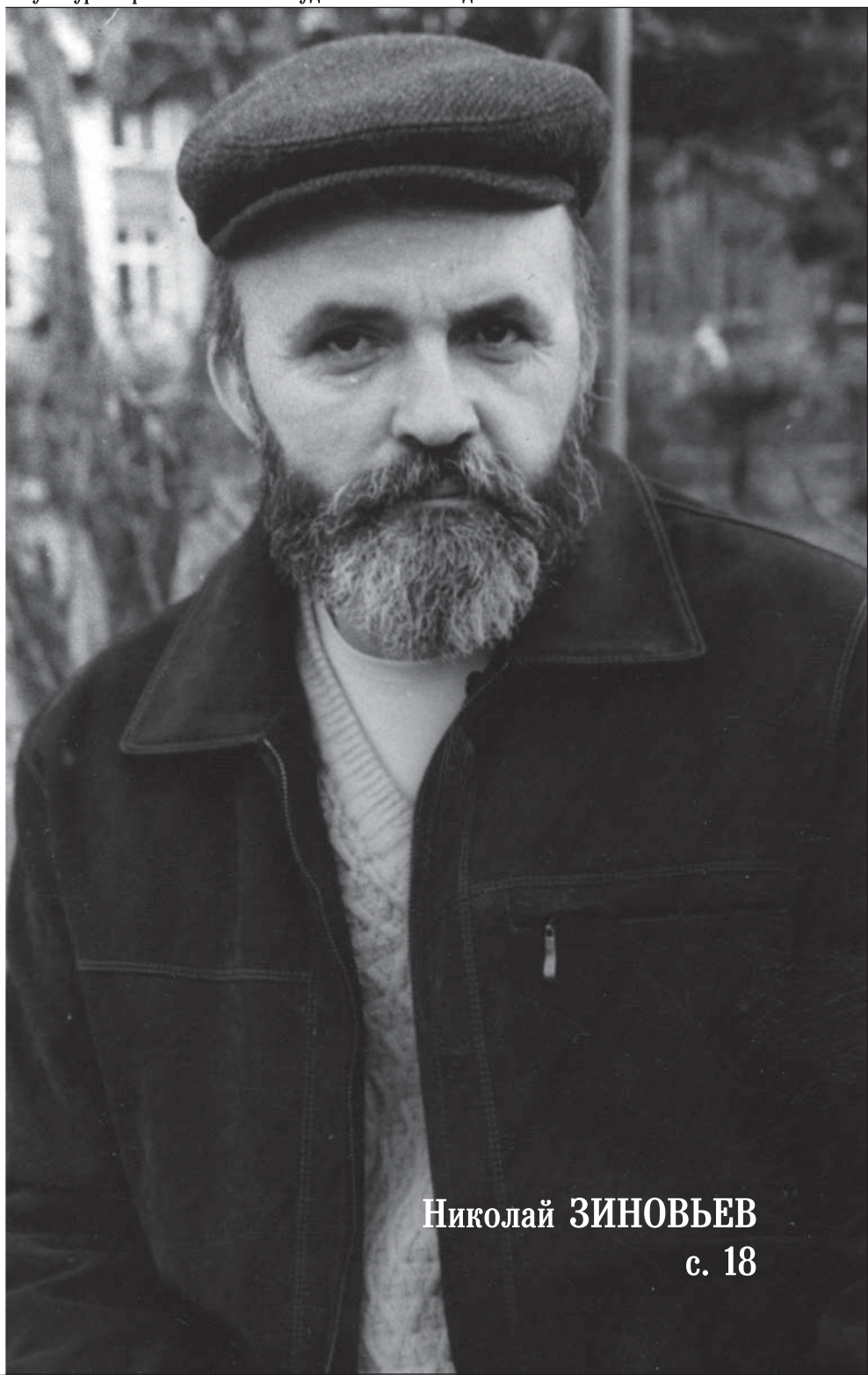

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 3 (41)/2011
МАРТ

Николай ЗИНОВЬЕВ
с. 18

Монумент памяти узников фашистских лагерей 1941-1945 гг. Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 5 печатных листов.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 8 марта в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Март 2011 года

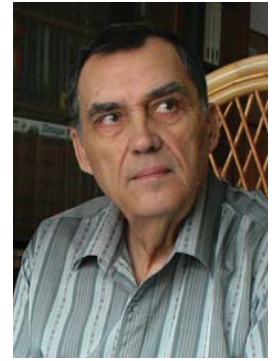
№ 3 (41)

- с. 2. Проза. Александр ДЕГТЯРЕВ
- с. 4. Проза. Геннадий БОГДАНОВ
- с. 8. Истоки. Валентин КУРБАТОВ
- с. 11. Пристальный взгляд. Эльвира КОЧЕТКОВА
- с. 12. Записки краеведа. Анастасия КАРАБАЕВА
- с. 16. Поэзия. Валентин Сорокин
- с. 18. Поэзия. Николай ЗИНОВЬЕВ
- с. 20. Родной глагол.
Отрывок из дневника Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
- с. 22. Поэзия. Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ
- с. 24. Поэзия. Софья ИОСИЛЕВИЧ
- с. 25. Поэзия. Владимир СПАСИБЕНКО
- с. 26. Поэзия. Павел ВЛАСОВ
- с. 27. Поэзия. Юрий КАБАНКОВ
- с. 28. Проза. Алла МАЧТАКОВА
- с. 30. Свет памяти. Анна ДУБКОВА
- с. 32. Официально.
- с. 34. Письмо в редакцию. Анна ЧЕШУИНА
- с. 36. У подножия Парнаса.
Тимур КАМЕНЕВ, Алексей СУСЛОВ
- с. 36. Конкурс «Ребята нашего двора»
- с. 37. Великая Победа. Владимир ДОВЖЕНКО

МАТЕРИНСКАЯ ДОЛЯ

Александр ДЕГТЯРЁВ,
г. Омск

Дегтярёв Александр Афанасьевич родился в 1941 г. в Омской области. Окончил радиотехнический техникум и 35 лет проработал в Омском НИИ приборостроения. Публиковался в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «День и Ночь», «Голоса Сибири», «Земля Сибирская, Дальневосточная», «ЛИТРОС», «Складчина», в еженедельнике «Литературная Россия». Автор четырёх сборников рассказов и книги для детей. Член Союза российских писателей.

Перед сном Мария Егоровна читала книгу. И вдруг глухой удар в стекло – голубь, похоже, садился на подоконник, а порывом ветра его кинуло в раму. Она отложила книгу и задумалась. По соседней улице прогромыхал трамвай, рассыпая серебряные шарики искр. «Какую-то весть принесла на крыле птица», – обожгло догадкой и сразу захолонуло сердце: третья неделя пошла, как нет письма от сына... Прощаясь, Андрейка обещал в неделю раз писать обязательно и вот уже почти год своё слово держал. До последнего времени... Не случилось бы чего.

Мария Егоровна рожала сына, когда ей было уже под сорок. Много она передумала, принимая такое решение. Знала, что разбивает семью Алексея Ивановича, у которого дочь уже замуж вышла. Также знала, что удержать его около себя будет трудно, но страх перед вечным одиночеством переборол. Появившись на белый свет, единственный и неповторимый сын заслонил собой весь мир. Рассеялась смутная неопределённость одинокого существования. Работа и друзья отодвинулись на второй план, а материнские заботы и родительская ответственность поглотили её целиком. Детский сад и пионерские лагеря, уроки в школе и болезни – всё позади. Теперь, вот, сын служит в армии, а она вышла на пенсию и ждёт его. Она бы всё отдала теперь за то, чтобы посмотреть на свою кровиночку хоть через щель в заборе, где он теперь служит. Посмотреть, как он выглядит, и успокоиться, но чтобы он не знал и не видел, как разрывается материнское сердце.

Ночью ей снились какие-то ужасы и кровь. «Кто-то кровный прибьётся к дому», – сказала бы её мать, покойница. Мария Егоровна решила так же, как только открыла утром глаза, и в груди снова защемило. Она встала с постели, походила по комнате, но предчувствие и тревога не отпускали. В халате, не причёсываясь даже, она спустилась к почтовому ящику. Из газет выпало письмо. Здесь же, на лестничной площадке, она вскрыла конверт. Но – что это? Узкая бумажка и казённый машинописный текст поплыли перед глазами размытыми линиями. Мария Егоровна ухватилась за перила и прижалась грудью к холодному металлу. Больные ноги подкашивались.

По лестнице, перепрыгивая через ступеньку и размахивая пластиковым пакетом с буханкой хлеба, поднималась соседская девочка Оксана.

– Тётя Маша, вам плохо? Я позову маму.

– Не надо, Оксаночка. Ты лучше прочитай вот это, я

без очков не вижу, – Мария Егоровна дрожащей рукой протянула письмо вместе с конвертом.

Оксана быстро пробежала глазами несколько строчек и, обняв Марию Егоровну за плечи, почти крикнула:

– Тётя Маша! Андрей приезжает, то есть проезжает через наш город на восток.

– Когда, миленькая?

– Завтра, тётя Маша. Он тут всё высчитал, но просит уточнить по телефону на вокзале прибытие поезда по расписанию, чтобы не ждать, если будет опаздывать.

Слёзы, застывшие было в глазах Марии Егоровны, пролились радостным дождём на Оксанины щёки и губы. Она целовала соседскую девчонку, как родную дочь, за такую радостную весть. Тень от чёрного крыла беды сместилась в сторону, и круглая сияющая мордашка Оксаны походила теперь на выглянувшее из-за туч весеннее солнышко. Где-то глубоко в душе остался осадок, но тяжесть эта была светла. Оксана помогла ей подняться на третий этаж.

Уже в квартире, на диване, положив рядом таблетки валидола, Мария Егоровна дважды и трижды перечитала письмо, где Андрейка сообщает, что закончил в Севастополе школу младших командиров и следует для дальнейшей службы на Тихий океан. В конце он извинялся, что письмо отпечатано на машинке: готовили документы в секретной части, заодно отшлёпал одним пальцем и письмишко домой. А ещё ниже приписал он от руки: «Мама, принесите на перрон что-нибудь вкусненькое и, если будут деньги, то купите – существенное». Мария Егоровна сразу поняла, что имел он в виду под «существенным». Вот, засранец... И знала, что купит и принесёт, но сама для себя делала вид, что не понимает смысла этого слова. Вкусненькое – это понятно: толчёная картошка с жареным луком на сале и притомлённая в духовке до коричневой корочки сверху. Она обязательно приготовит картошку в чугушке, доставшемся ей в наследство от матери: и вкус особый, и тепло держит долго. Этот чугунок – единственная вещь из старого отчего дома в пригороде, которую Мария Егоровна взяла на память о частном доме. Пусть и Андрейке напомнит он о бабушке.

Закипела в квартире работа. Мария Егоровна вымыла окна, протёрла всю мебель, в комнате сына поставила букет сирени. Приезжает сыночек – радость какая! Сбегала в кооперативный магазин, купила копчёной колбасы и конфет, напекла пирожков с капустой и грибами. Картошку приготовить решила завтра перед отъ-

ездом на вокзал. Спать легла пораньше, когда за открытым окном во дворе ещё шумели ребячьи голоса. Спала спокойно, без снов, и встала утром с восходом солнца.

Приготовив всё и собравшись, Мария Егоровна свернула часы по радио и вышла из дома за два часа до прибытия поезда. Во дворе она присела на лавочку поправить тяжёлую сумку, где в махровом полотенце был укутан чугунок с горячей картошкой, а сама засмотрелась на самодельный турник, вкопанный когда-то Андреем. Из подъезда вышла Оксана с портфелем в руке и подошла к Марии Егоровне.

– Добрый день! Передайте Андрею привет от меня.

– Здравствуй, Оксаночка! Передам, обязательно передам... А может быть... – и осеклась, поймав себя на мысли, что ревнует её к сыну и не хочет, чтобы кто-то отнимал у неё скупые минуты встречи.

– У меня экзамены, тётя Маша. Счастливой вам встречи!

– Удачи тебе, Оксаночка!

Мария Егоровна села в трамвай у церкви и, глядя на игру солнечных зайчиков на позолоченных куполах и крестах, мысленно перекрестилась. Раньше она как-то не прислушивалась к перестуку колёс. А сейчас обрадовалась, что села в трамвай. Она представила, как вместе с сыном они несутся навстречу друг другу по рельсам. «Встре-чай, встре-чай, встре-чай», – выстукивают колёса поезда дальнего следования. «Жду те-бя, жду те-бя, жду те-бя», – выговаривает в ответ трамвай. Горячая картошка через сумку обжигала колени.

На вокзал она приехала за час до прибытия поезда, зашла к дежурному по вокзалу и справилась – приходит по расписанию на первый путь, стоянка двадцать минут. Она выбрала место на перроне за будкой мороженщицы, откуда были видны убегающие на запад рельсы, и стала ждать. Когда объявили по радио о прибытии поезда и из-за далёкого семафора стал приближаться и увеличиваться на глазах лобастый электровоз, вместе с ним на Марию Егоровну надвигалось и росло волнение. «Только бы не заплакать, это всегда не нравилось Андрейке». Замельтешили перед глазами зелёные вагоны с потёками пыли на стёклах, видимо, застал в пути дождик. Улыбающиеся лица в окнах замедляли свой бег, суетились и исчезали в глубине вагонов. Мария Егоровна, не увидев родного лица, кинулась в хвост состава, но, оглянувшись, обрадовалась: из первых вагонов высыпали на перрон ребята в тельняшках. Вокруг всё стало полосатым, мелькали бескозырки, ленточки, золотые якоря. Мария Егоровна, пристально глядя в лица, продвигалась вдоль состава.

– Мама!

Она оглянулась и опустила тяжёлую сумку на асфальт.

– Сынок! Наконец-то нашла! Какой ты стал взрослый...

Андрей обнял мать и, сухо ткнувшись губами в щёку, отступил на шаг, чтобы видно было его в рост. Широкие рабочие ботинки-прогары (это слово Мария Егоровна знала по письмам) и жёсткая рабочая роба ладно сидели на нём. Он был без головного убора. Стрижка короткая и аккуратная, как у всех его товарищей. Что-то изменилось в его облике, и стоял на земле он прочно, широко расставив ноги. Андрей снова приблизился к лицу матери, и она облизнула губы.

– Принесли, мама?

Она утвердительно закрыла глаза. Андрей, через плечо поглядывая на офицера, стоявшего в дверях вагона, тихо сказал:

– Отдайте это вон тому матросу в бескозырке, я сейчас приду...

Мария Егоровна улыбнулась товарищу Андрея, достала из сумки пакет, в котором была уложена вокруг бутылки колбаса, а сверху – пирожки, и виновато протянула подошедшему матросу. А сама высматривала: куда же отлучился сын?

У входа в вокзал стояли в кружок школьные друзья Андрея – из тех, кто получил отсрочку или освобождение от воинской службы по болезни. Они тискали Андрея по очереди, хлопали ладошками по нашивкам на погонах изо всей силы. Андрей улыбался всем, но не давал сдачи. Он внимательно смотрел в сторону. У шершавой стены вокзала, заложив руки за спину, стояла девушка, которую Мария Егоровна видела впервые. Андрей протянул руку по направлению к девушке, и она пошла навстречу – круг плотно замкнулся. Мария Егоровна видела только широкие спины да затылки парней. «Молодцы, ребята, что пришли. Узнали же как-то. Пусть посмотрят, какой красивый в форме Андрейка мой, не хуже других... У них там свои разговоры, я подожду в сторонке, ещё успею. Почему же я раньше не видела эту курносую девушку?» Её толкали пробегающие пассажиры, но она не обращала на это внимания, потому что была счастлива и светилась радостью.

Но время неумолимо напомнило о себе голосом диктора: до отправления поезда осталось две минуты! Подбежал Андрей, прижался на секунду к щеке матери и стал быстро спрашивать:

– Не болеете, мама? Как ваши ноги? Не вздумайте выходить на работу. Я сразу же напишу по приезде на новое место. Зайдёт Груля, отдайте ему три кассеты.

Мария Егоровна глядела на сына и не могла наглядеться, ничего не говоря и не отвечая на вопросы. Поезд медленно тронулся. Андрея окликнул командир с двумя звёздочками на погонах. Мария Егоровна пошла следом за составом. И только когда красный фонарь на последнем вагоне скрылся из виду, она хватилась, что не отдала чугунок с картошкой. Она долго смотрела вслед поезду и не уходила, будто могла что-то изменить.

На привокзальной площади Мария Егоровна осмотрелась вокруг: ребят не было видно. Она и не хотела сейчас с ними встретиться, села в подошедший трамвай, поставила тяжёлую сумку на колени и расслабилась. Перестук трамвайных колёс не складывался в подходящие по настроению слова. Её неотвязно мучил другой вопрос: что же она забыла сказать Андрейке? Шевельнулась было зависть к той рыженькой девочке, что ожидала его на перроне, но прошла. Как он смотрел на неё, как смотрел... «Но что же я хотела ему сказать?» – думала и не могла вспомнить Мария Егоровна. И почему у него такие сухие губы?... Взрослый стал, совсем взрослый... Наконец-то вспомнила: она же хотела рассказать, что на прошлой неделе заявился его папенька, но она не пустила его на порог... Подпиравшие слёзы вырвались наружу – так освежающий дождь падает на горячую землю.

ПЕРЕВАЛ

(РАССКАЗ)

Пролог

Не знаю, по каким таким причинам не прижился в карманах моей куртки неизменный атрибут пишущего человека – блокнот. Да что там блокнот! Порой нечем записать нужный телефон или адрес из-за отсутствия простенькой шариковой ручки. Как говорится, сапожник без сапог.

Конечно же, написал я немало стихов, статей в различные издания, да и все свои мысли я доверял дневнику, не полагаясь на свою память.

Годы безжалостно стирают важные штрихи событий, произошедших со мной за весьма большой отрезок жизненного пути. Сожалею, что полтора десятка лет назад не записал я рассказ пономаря Алексея. Долгим зимним вечером в сторожке Христорождественского собора он поведал мне удивительную историю. Сегодня приходится по памяти восстанавливать рассказанное, а это ох как нелегко, ибо за дымящейся лет многое видится иначе, детали расплывчаты и меняют свои очертания.

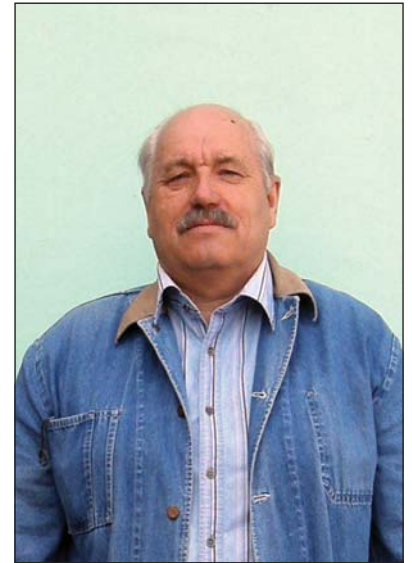
Есть в нашем Христорождественском соборе икона святителя Николая Чудотворца, особо почитаемая прихожанами. Написана она необыкновенно живо. Никто точно не знает, сколько лет образу, но, судя по утраченной кое-где позолоте, манере письма и краскам, никак не меньше двух веков. Мастерство иконописца несомненно. Лик святого передан настолько проникновенно, что кажется написанным с самого Николая Чудотворца при его земной жизни. Пожалуй, случай, о котором я хочу рассказать, подтверждает этот феномен.

В конце безвременья прошедших девяностых годов одна из зим выдалась особенно снежной и морозной. Столбик термометра опускался днём ниже 35 градусов, а уж как преодолевают наши дальневосточные ветра, и говорить не приходится. Любой хабаровчанин знает, что такое промозглый ветер с Амура...

В один из таких январских будничных дней закончилась служба в храме. Уборщица Александра Петровна, высокая сухощавая женщина лет 68, которую все звали ласково баба Шура, выметала снег из притвора. Дьякон Владимир, чей могучий бас приводил в трепет прихожан, нахлобучив скуфью на свою львиную шевелюру, широкой поступью следовал напрямик в трапезную, по диагонали пересекая церковный двор.

– Батюшка! – окликнул его среднего роста мужчина

Геннадий БОГДАНОВ

лет сорока, в рыжей лисьей шапке и потёртой местами лётной куртке на меху.

– Я не батюшка, я – диакон, – пробасил Владимир, приостановившись, с улыбкой глядя на недоумённое лицо мужчины. – Отец Михаил сейчас занят. Как сподобится, возможно, примет вас.

– Не знаю, как к вам правильно обращаться, в церкви-то я почти не бываю, – смутился мужчина.

– Обращайтесь просто – диакон Владимир, можно отец диакон.

– Спасибо, уразумел, а я Андрей...Павлович. Мне бы свечку Богу поставить. Случай со мной недавно произошёл, можно сказать, на волосок от смерти был. Рассказать – не поверите.

– Так уж и не поверим, – усмехнулся диакон и перешёл на «ты». – Вот что, Андрей Павлович, ты, мил человек, давай-ка ступай в храм. Там, как зайдёшь, справа, увидишь свечной ящик. Хотя, погоди, пойдём, я тебя провожу.

Перед входом в храм отец Владимир обстучал подошвы своих сапог о металлическую решётку, сняв скуфейку, сотворил крестное знаменье с поклоном и стал подниматься по ступеням. Андрей поспешно и неумело перекрестился и, зажав под мышкой шапку, проследовал за диаконом в храм.

В церкви ещё не рассеялось облако дыма от каждения, мерцали свечи в позолоченных подсвечниках. Пожилой мужчина, стоя на коленях, молился возле Распятия. Две старушки о чём-то шептались у иконы Божьей Матери «Скоропослушница». Баба Шура энергично орудовала шваброй, сердито поглядывая на вошедших в храм. Отец Владимир подвел Андрея к окошку свечного ящика.

– Вот выбирай, что душе угодно. Здесь и нашего производства есть, восковые, чисто мёд гречишный, ароматные.

– Мне бы подороже какую и потолще...

– Может, тебе ещё архиерейскую подать?

– Отец диакон, мне такую, чтоб Богу угодить. Хочу за спасение своё благодарность выразить.

– Богу дела твои добрые нужны, а свеча, брат, это – молитва твоя сердечная.

Диакон Владимир наклонился к окошку, за которым сидела кареглазая девушка в аккуратно повязанном платке.

– Любушка, дай-ка нам, пожалуйста, три самых больших софринских свечи.

Андрей достал из внутреннего кармана куртки довольно-таки объемистый кошелек, отдал деньги за свечи и, с благодарностью глядя на диакона, спросил:

– А куда лучше свечи поставить? Икон-то не счесть сколько! Хотя мне советовали к Николе. Ему, говорят, всегда свечи ставят, особенно моряки и шофера. Я же по профессии водитель, дальнобойщик, значит мне к Николе надо.

– К Николе, говоришь? – диакон с укором посмотрел на Андрея, державшего в почерневшем от машинного масла кулаке три свечи. – Эх вы, малOVERы!

Недавно после службы подходят ко мне трое громил – и сразу с места в карьер: где, мол, у вас тут Никола, свечу ему поставить хотим. Запросто так! Благоговения ни капли нет. Николай – это Чудотворец, Святитель. Ты сам-то хоть крещёный или бусурман какой?

– Да с раннего детства, бабуля в этом самом храме крестила. Я и крестик тот сберёг. Вот он.

Андрей вытащил из-за пазухи изрядно потёртый оловянный крестик на самодельном гайтане из тонкой капроновой бечёвки.

– Ну-ну, – буркнул отец Владимир и, вежливо взяв Андрея за локоть, подвёл его к иконе Николая Чудотворца.

Трудно описать то, что произошло с Андреем. С минуту он стоял как вкопанный, с широко открытым ртом. Его лицо выражало одновременно удивление, растерянность и радость встречи.

– Так вот же он! – воскликнул Андрей, указывая пальцем на святого.

– Конечно, он, он самый – Николай Чудотворец.

– Да нет! Это тот дед, который меня спас! Немедленно ведите меня к нему! Я его озолочу!

– Кого озолотишь? Какой такой дед? Его уже, поди, веков как шестнадцать нет на земле, почил в Бозе давным-давно. Хотя, конечно, у Бога все живые, но...

Андрей не дал диакону договорить.

– Чего вы мне голову морочите – «почил в Бозе»! Я позавчера только с ним виделся, вот как с вами сей-

час, разговаривал. Давайте без дураков, показывайте, где вы его прячете?!

Андрей сорвался с места, забыв про свечи, которые надо было возжечь, и, бормоча что-то невнятное себе под нос, устремился к алтарю. Обогнув аналой с возложенной на него иконой, занёс было правую ногу на амвон, но здесь едва поспевавший за ним диакон успел-таки схватить горемыку за ворот меховой куртки.

– И куда это мы без благословения рванули? Через Царские врата в алтарь? Ишь какой шустрый!

Баба Шура, с грохотом уронив швабру, всплеснула руками:

– Господи, никак опять болящий! Отец диакон, может, за охранником сбегать? Так я мигом.

– Не надо, без посторонней помощи справимся, не из робкого десятка, поди.

– Я так и знал, что не поверите мне! А ещё в церкви работаете! – завопил брыкающийся Андрей, которого отец Владимир волоком тащил от амвона.

– Не работаем, а служим. А ты, если крещёный, так знать должен, что послушание превышает поста и молитвы. Лезешь напролом куда не следует!

На шум и возню возле алтаря из левых диаконских врат вышел отец Михаил, высокий священник, в тёплой рясе и скуфье, отороченной коричневом мехом.

– Объясните мне сейчас же, диакон Владимир, что здесь происходит?

– Да вот, отче, пусть он сам расскажет, что ему надо. А то я что-то не пойму, кого мы здесь

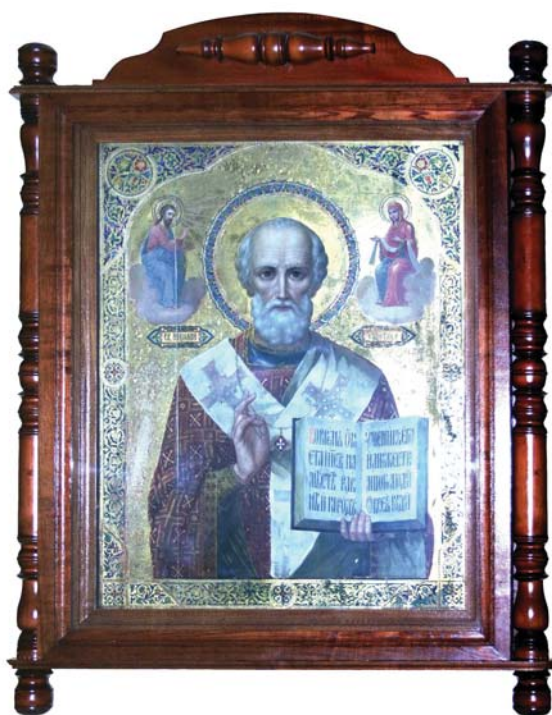
прячем, какого такого деда? В алтарь норовил проскочить, еле сдержал.

При виде отца Михаила Андрей перестал дёргаться, но диакон не выпускал воротник его куртки из своего мощного кулака.

– Батюшка, вы хоть мне объясните! Дед этот, что у вас на иконе нарисован, позавчера мне жизнь спас... Мою машину из пропасти вытащил... Я с ним разговаривал, вот как с вами сейчас, – сбивчиво, срывающимся голосом выпалил Андрей.

Отец Михаил усмехнулся, затем, внимательно посмотрев прямо в глаза Андрею, сказал:

– Вот что, дорогие мои, в храме шуметь негоже.

Образ Святителя Николая Чудотворца

Давайте-ка сначала отобедаем у меня дома, да за чайком всё по порядку и расскажете. Можно, конечно, в трапезной у нас покушать, но матушка сегодня мой любимый пирог испекла, рыбный, боюсь, обидится. А ты, отец диакон, отпусти человека, чего за ворот-то держать, оторвёшь ведь!

От мягкого тембра батюшкиного голоса Андрей стал успокаиваться и приходиться в себя:

– Спасибо, батюшка, да я вроде бы неголоден. Мне бы деда увидеть того.

– А мы за трапезой всё и обсудим.

Дорога до дома отца Михаила заняла не больше 10 минут. Шли гуськом по протоптанной в глубоком снегу дорожке. Разные мысли пронеслись в голове Андрея. Он то возвращался к пережитому им событию, то отдалялся от него и никак не мог связать позавчерашний день с днём сегодняшним.

За дощатым забором, выкрашенным в тёмно-зелёный цвет, отчаянно лаял сторожевой пёс Пират, то ли почуяв чужого, то ли радуясь встрече с хозяином. Открыв калитку, отец Михаил прикрикнул на собаку. Пират, обиженно гремя цепью, нехотя залез в свою будку. Батюшка распахнул тяжёлую, обитую войлоком дверь избы и крикнул с порога:

– Матушка, принимай гостей!

– Мир вашему дому, – пробасил, входя в небольшую прихожую, диакон Владимир.

– С миром принимаем, – звонким голосом ответила матушка Наталья, помогая снять рясу из толстого сукна на ватине с плеч отца Михаила.

– Раздевайтесь, гости дорогие, мойте руки и приходите к столу.

Андрей, вдыхая запах свежеевыпеченного рыбного пирога, почувствовал, как проголодался. Матушка уже хлопотала у стола, расставляя тарелки и чашки. Андрею понравилось, как все дружно пропели молитву, обратиться к иконам в красном углу избы, и как затем батюшка благословил трапезу.

Ели неспешно и сосредоточенно, изредка перебрасываясь незначительными фразами. За крепким горячим чаем с румяным пирогом отец Михаил попросил Андрея рассказать немного о себе и о чудесном своём спасении. Андрей, согретый домашним теплом и вниманием, начал свой рассказ:

– Водитель я, можно сказать, потомственный. Отец мой всю жизнь в одной автобазе проработал. От рядового водителя до начальника колонны прошёл. В армии я два года водил тягач аэродромный, а после дембиля – сразу в родную автобазу. Здесь бы работать – горя не знать. Но в начале девяностых не стало нашей автобазы. Да что об этом говорить! Наступил капитализм.

Андрей замолчал, отхлебнул ароматного чаю из большой фаянсовой чашки и продолжил:

– К тому времени у меня трое ребятишек подрастало. Перебивался случайным заработком. Хорошо, что машина мне от отца в наследство досталась – «жигулёнок» – старенький, но надёжный. Возил всяких ком-

мерсантов на своей машине. На хлеб вроде хватало, но без масла. Опять же, никаких гарантий, заболел – уволен. Извозом я не занимался. Как-то не по душе мне это дело. Да и случаи всякие с таксистами бывали, сами знаете. Душой я к большегрузным прирос. Сплю и вижу, как иду в дальний рейс на новеньком тягаче. Правда, часто снилось такое. И надо же, суждено было сбыться этому сну! Устроился я на более-менее постоянную работу в небольшую коммерческую фирму. Шеф человек строгий, но обязательный. Взял он меня водителем на «ГАЗ-66». Заодно и автослесарем. На грузовике я мало выезжал, в основном его парк легковушек обслуживал. Я только потом понял, что взял он меня на работу с дальним прицелом.

Через год наша фирма приобрела новенький «СуперМАЗ» с рефрижератором типа «АЛКА». Решил шеф междугородними перевозками заняться. Помню, как я волновался, когда принимал новый автомобиль. А когда в первый рейс пошёл на Находку, орал от радости диким голосом всю дорогу: «Выплывали расписные Стеньки Разина челны...» Напарника мне обещали дать, но так и не дали, видно, из экономии. В рейсы уходил я один. Нет, конечно, частенько в кабине со мной ездили то сопровождающие груз, то экспедиторы, то снабженцы, но второго водителя не было. Честно говоря, на первых порах мне и не нужен был напарник. Сам прекрасно справлялся.

И вот вызывает меня начальник перед этим самым рейсом и говорит: срочно нужно забрать груз в порту Зарубино. Груз ценный, так что оплата сразу по прибытии. И сумму назначил немалую. Интерес, конечно, есть интерес, само собой разумеется, но дело не только в деньгах. Шеф наш – человек крутой, ему отказать никак нельзя. За ним люди тёмные стоят, крышуют, значит. А я эту дорогу на Славянку, по правде сказать, не уважаю: гравийка и перевалы крутые. Ещё когда в автобазе работал, не любил по ней ездить. Но надо – так надо. Фуру мне быстро загрузили местной продукцией. Попутчиком со мной до Раздольного ехал наш снабженец Семён Степанович. А дальше я шёл один. Груз доставил по назначению в Славянку, потом рванул в Зарубино. Как раз успел, теплоход уже стоял у причала. Загрузился там под завязку, оформил документы – и напрямик назад в Хабаровск.

Часа в четыре после полудня подъехал я к большому перевалу – одному из самых опасных участков трассы. Тут погода стала быстро портиться. С неба посыпалась мелкая снежная крупа, поднялся ветер. «МАЗ» мой медленно полз в сопку. Вокруг не было ни души – ни встречных, ни попутных машин. В такой обстановке за рулём заснуть запросто, как дважды два четыре. Как я ни боролся, но, видимо, сказались усталость и нервное напряжение. То ли от небольшой скорости, то ли от монотонного гудения дизеля, или от тепла в кабине меня, в конце концов, сморило. Страшно это, когда засыпаешь за рулём: мгновение – и катастрофа...

Андрей на минуту замолчал, отхлебнул уже остывшего чаю, и вновь продолжил свой рассказ.

– ...Не знаю, на сколько минут или секунд я отрубился, но когда очнулся, понял, что мне хана. В правое зеркало я отчётливо увидел, что заднее колесо фуры беспомощно крутится над пропастью. А полуприцеп неуклонно ползёт под откос. Я лихорадочно стал спасать положение, работать рулём и газом. Но всё было напрасно. Тягач почти выехал на встречную полосу, но многотонная фура через мгновение готова была рухнуть вниз, увлекая за собой машину. В какой-то момент я решил выпрыгнуть из кабины, тем более что «МАЗ» почти остановился. Но, представив, что будет со мной и моей семьёй, я решительно захлопнул дверь. Будь что будет, подумал я. И в этот самый момент в левом зеркале заднего вида появился старик в каком-то потёртом полушубке, в диковинной шапке и странных обутках. В правой руке он держал длинную палку с загнутым, как у зонта, верхом.

Старик приветливо помахал мне и улыбнулся, затем ловко зацепил своим крючком причальный брус фуры. Мне было не до смеха, я распахнул свою дверь и крикнул ему: «Дед, бросай ты эту затею, рухнем сейчас все вместе в пропасть! Убегай от машины!» Старик ещё раз улыбнулся и сказал мне, чтоб я дверь свою закрыл, мол, простужусь ненароком, и на дорогу внимательно смотрел. Жутко мне стало и весело одновременно. А дед, особо не напрягаясь, плавно потянул свою трость на себя. И тут я почувствовал, как фура всеми колёсами твёрдо встала на дорогу. Старик в это время трусил мелкими шажками рядом с машиной. Он ещё немного пробежал вперёд, помахал мне рукой и направился к придорожному лесу.

Я немедленно застопорил машину, затянул ручник и бросился вслед за дедом. Сколько я ни кричал, ни звал его, все усилия были напрасны. Дед как сквозь землю провалился. След от его обуви был ещё виден, но снег заметал его. Быстро темнело. По трассе замелькали лучи фар. Я поспешил к «МАЗу» – опасно было оставлять машину, да ещё с дорогостоящим грузом.

В тёплой кабине меня трясло, как в лихорадке, минут двадцать. Только сейчас я по-настоящему оценил всё, что произошло. Придя в себя и уняв дрожь, я плавно тронулся, преодолел перевал и, доехав до первого поста ГАИ, зарулил на стоянку, забрался на спальную полку и отрубился.

Проспал я до рассвета. Умывшись снегом, тронулся в путь. До города доехал благополучно, сдал груз. На-

Приморская глубинка. Фото Василины Орловой, г. Москва

чалник ждал меня в своём кабинете и, как обещал, выдал деньги за этот рейс. Конечно же, я ни словом не обмолвился о том, что случилось со мной. Поделился только с Прокопычем. Он у нас на проходной вахтёром работает. Верующий он. Над ним все посмеиваются, святошей называют – не курит и на работе всегда трезвый. Он моему рассказу ничуть не удивился. Сказал, что Господь меня миловал и что я должен немедленно пойти в церковь, поблагодарить Бога, свечку Ему поставить. Ещё что-то говорил про покаяние, да я уж и не помню, особо в подробности не вдавался. А дальше что рассказывать? Сами видели, что в церкви случилось. До сих пор не могу понять, как такое могло быть? Я ведь с ним, со стариком этим, разговаривал.

Отец Михаил задумался, глядя в окно, затянутое морозными узорами, и, вздохнув, сказал: «Что ж, видно у каждого в жизни бывает свой перевал».

Эпилог

Давно уже нет фирмы, в которой работал Андрей. Его строгий шеф распродал всё с молотка и перебрался в Москву на высокую должность. Неизвестно, как сложилась судьба Андрея в дальнейшем, но после того памятного случая и разговора с отцом Михаилом его часто видели в церкви, стоящим на коленях перед иконой Святителя Николая Чудотворца Мирликийского.

Валентин Курбатов

СЕМЕНА ПРИ ДОРОГЕ

Когда пушкинское Михайловское от тебя в ста двадцати километрах, грешно время от времени не оказываться там на день-другой. Находишься, нагладишься, набубнишься пушкинских стихов, которые выбегают еще из школьной памяти, и опять можно жить.

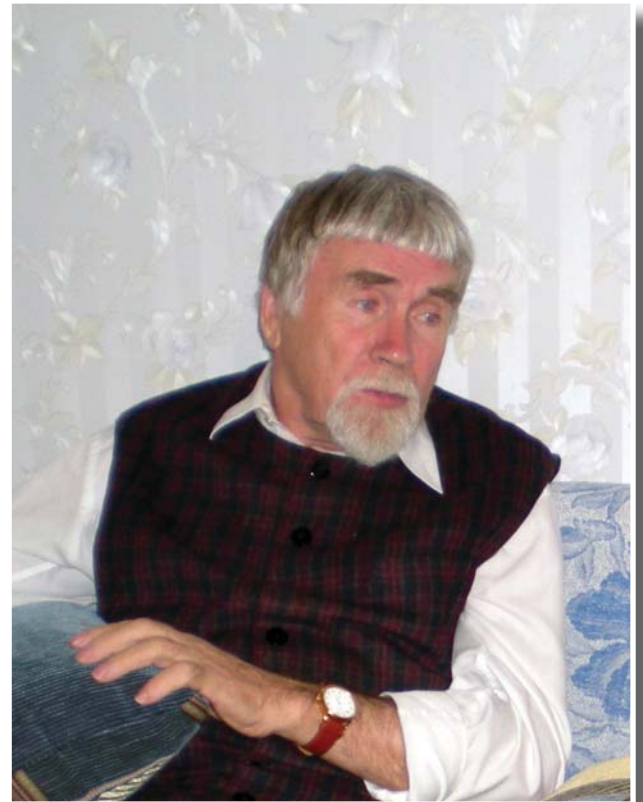
Порознь как будто ничего не видишь, а все небеса, луга и воды – разом, словно они от века живут в тебе и их надо только «сполоснуть», и опять душа в полной цельности и полноте.

Но в последнее время глаз все чаще ухватывается за детали, за всякий лист и всякого муравья. Зрение становится подробнее, а память, боясь не удержать, просит записи.

Я не сразу понял, отчего это, пока при невольном обширном по долгу своей критической службы чтении не стал замечать, что проза понемногу вытеснила пейзаж, как досадную помеху действию. Постаревшие «деревенщики» еще помнили и, как могли, берегли его, но они в общей лавине сегодняшней литературы уже необратимо заслонены стеной новых имен и новых течений. А в этом «новом», увы, по слову А.Битова, «пейзаж закрыт на обед». Не до него. Герои все чаще летят по городским улицам, а и за город вылетят, так им по сторонам взглянуть некогда – всяк в середине всех проблем мира, и для него, как для наших военных в Чечне, весь этот Божий цветущий мир по сторонам – одна «зеленка».

А душа-то уж привилась к русской классике, уже узнала, что русский человек у Тургенева ли, у Толстого, у Шолохова, у Пришвина живет посередине природы и она ему и совет, и утешение, и вразумление. Она – действующее лицо и порой – не главное ли? И вот душе уже не хватает этого «закрытого на обед пейзажа», будто легкие твои свернулись и не вздохнуть во всю грудь. Тогда зрение само, как всякий живой организм, начинает искать исцеления и ухватывается за михайловскую травку и запасает эти малые малости, которые и назвать не знаешь как (семена? блики на воде? опавшие листья?), чтобы потом при усталости подкреплять сердце.

Ну а оттого, что малости эти записаны в Михайловском, которое всякому сердцу свое, я и решаюсь открыть домашнюю тетрадь, оставив каждую запись как есть, без «рамы» нарочитого сюжета.

В.Я. Курбатов.

Фото Олега Шелудько,
с. Богородское Московской области

АПРЕЛЬ

Приехал в Вербное воскресенье под вечер, когда зяблики уже пели в полпесни. Золотые сосны радовались закату, в котором их горячая кора особенно прекрасна, а только опушившиеся березы, напротив, были недовольны, потому что их юная зелень в закатном свете отдавала ржавчиной. Вечер после трех совершенно июльских дней наливался прохладой. Пни только спиленных за гостевым домом отживших деревьев кипели соком, словно были покрыты старым снегом, и зрелище вблизи было неприятно физическое, животное, как при действительном насилии. Стволы были уже увезены, но опилки тянулись смятыми лентами, как размотавшиеся бинты, и все походило на поле, едва прибранное после боя.

Июль в этом году и впрямь пришел в апреле, и смущенная была природа в два дня кинулась расти и цвести, как прежде делала в месяц, и на Лазареву субботу проклюнулись почки, а уже на Вход Господень глянули цветы вишни. Только растерянные мухи еще не успели вступить со своим июльским звоном, пропустили свою «цифру» и вступили только к среде на Страстной.

Солнце утром уже высоко, а подснежники еще спят, свернув цветы набок, как утки под крыло, будто нежатся последнюю минуту перед пробуждением. А всякая птица уже летит с веткой, пушинкой, даже газетным клочком в свое гнездо. Дрозды схватились драться из-за такого клочка и сверкают в ветвях и скатываются в траву, и легкий их пляшущий клубок мечется как бадминтонный волан.

Вместо Сороти море-окиян. Старые яблони в саду кажутся мертвы и сухи в своей замшелости и старческой ревматической судороге ветвей, но, приглядевшись, увидишь, что каждая ветвь кончается холщовым или батистовым бутонем, готовым прянуть белейшим цветком. Невольно вспомнишь, как Толстого поразил некогда дуб в Никольско-Вяземском, и он передал это свое восхищение чудом жизни Андрею Болконскому. А тут еще живее, прекраснее, трагичнее – старость, почти ветхость, предсмертная сухость, а в середине бутон юности.

Диким тарзаньим криком кричат обустройствающиеся за Ганнибаловым прудом цапли. Скворец обстоятельно, хочется сказать «с утренней трубочкой», долго сидит на теплом «крыльце» своего скворечника, думая, как начать день. Другой сидит на раме, приготовленной для аиста, поглядывая с высоты, и видно, что ему жалко: какая площадь пустует – аистов в Михайловском несколько лет нет.

Лягушки держатся за берег лапами, всякая в два этажа, и готовы вот-вот ахнуть свою торжествующую песнь. А пока весь берег бессмысленно и слепо глядит в небеса. Ничего, кроме страшной, невидящей страсти. Какие уж тут царевны! Хочется обругать их животными и не улыбнуться при этом.

Пока соловьев нет, торопится напиться всякая «самодеятельность» – зяблики, пеночки, синицы, овсянки...

Встанешь у калитки от домика няни поглядеть на Савкину Горку, и засмотришься на сосны над Маленцом с их жарким огнем, с их одушевленным отражением в озере – подлинно заглядываются на себя. Зелень свежа и нежна, тени от берез в пол-луга. Облако, еще розовое с утра, будто отлежавшее щеку, умытое, юное, висит, словно тоже только для полноты картины, и Господь держит его, улыбаясь. И это же облако нежится в недвижном разливе Сороти. Какая же прекрасная, до страдания родная земля! Хватило бы жизни наглядеться!

А березы на спуске к мельнице цветут с какой-то девичьей и вместе женской, тоже одушевленной красотой. На юной зелени сережки их – подлинное золото под утренним светом, под сиянием такого же молодого

солнца. И кажется, что это они солнцу цветут, его взгляду. Ну и немножко нашему.

МАЙ

Всего денек выдался, и тот с дождем. Но зато какой дождь! Он застал меня за Соротью в Зимарях – сверкающий, грибной, солнечный. И вдруг радуга в два пролета из Маленца в Кучане, и медленный зимаревский аист летит сквозь нее и окрашивается во все ее нежные, ускользящие цвета.

А тут и гроза подоспела, и уже не хочется уходить – промокать так промокать! И молнии летят в Кучане, не ветвясь, долгие и прямые – неистовый белый клинок! И опять – радуга! Господь не глядит на число зрителей – довольно и одного.

Заглянул к лягушкам на черный пруд. Они торчат из воды пузырями как водолазные шлемы и трещат все сразу совершенными мотоциклами перед кроссом, будто все едут и не могут проехать мимо.

Соловьи вышивают свои песни по висаящим над лугом жаворонкам, как по бисерному фону.

ИЮЛЬ

Дождь, кажется, ждал у Селихново, караулил. Видно, терпел давно и теперь изнемогал, надеясь настичь в Пушкинских Горах и выполоскать как следует. И не утерпел – низвергся у Каменного озера и вылился в десять минут. И когда въехали в Пушкинские Горы, он уже не валил, не рушился, как только что по дороге, а только досадливо и слабо рвался. И пока я шел лугами в Михайловское, он еще покапывал, надеясь остановиться, но, видя, что не удержишь, отступился и только подсовывал несчетные лужи, которые не обойти, да скользкую глину – не брякнешься ли во весь рост: то-то бы радость!

...И наутро дождь и дождь, как многие предшествующие дни. Он уже так привычен, что коли остановится, почувствуешь себя неуютно, как при неисправности. Ни одной пичуги, только ровный шум дождя. Всякий лист подставляет свои прожилки как русла и устья, чтобы уже не радующая вода скатывалась скорее. Все дороги там и сям пробиваются промоинами, и всякая ищет быть подписанной, как та счастливица из «Вновь я посетил» – «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями». «Три сосны» налились водой до последней иголки, и вершины их кажутся туманны, а «угрюмый их товарищ» на отшибе глядит седым.

...На другой день, наконец, дождь устанет – Бог знает, надолго ли. Небо хочет подняться, но не может. Сырость туманом держится в вершинах елей и рассеивается нехотя. Встанешь у Ганнибалова пруда – вода недвижна и тиха. Только у берега, где склоняются деревья, дождь будто все идет без остановки и

Михайловское. Фото Владимира ТЫЦКИХ

пятнает воду у берега. Малина выступает из крапивы, заманивая тяжелой винной полнотой каких-то выставочно нарядных ягод. Соблазнишься, обольешься от первого же прикосновения к кусту, обстрекаешься, а она водяниста и безвкусна.

Даже и кузнечики из-за дождя прекратили покос и не ездят на своих жнейках, словно по домам отсиживаются, так что поневоле удивисься, сойдя на миг в траву, когда они безмолвно прыснут из-под ног.

Вороны на вымокших лугах долго глядят в воду с кочек, будто всматриваются в свое отражение, и ловят какую-то зазевавшуюся водяную публику.

День устанавливается серенький, недоверчивый. Лес стоит, затаившись, будто боится спугнуть этот миг передышки. Но уже первый паучок стоймя прокатился на паутинке, готовясь к осенним полетам. Уже синицы гаички пошли прокалывать воздух тоненьким писком. А там и кузнечик пошел навестывать упущенные дни. Завозились осы и запосверкивали стрекозы. Сорока полетела как граната с длинной ручкой, мстительно выговаривая своей очередью одно непрерывное нестерпимое слово «чечня». Явился Бог весть откуда толстый ленивый кот и глядит на тебя с неприязненным равнодушием, как деревенский механизатор с похмелья на дачника в панамке.

А ночь – это не весна и не лето. У нее свое время года – ночь. Деревья вырастают в ночи и становя-

ся черными облаками. Пруд еще светится дотлевающим над Зимарями закатом, и деревья одинаково черны в небе и отражении и поглощают берега так, что видна только эта изломанная полоса заката. В доме и на веранде бывшего директора Семена Степановича горит свет, но никаких теней не видно, и отражение в пруду особенно грустно в этой выключенной тишине. Я поднимаюсь низом от его дома к пушкинскому прекрасной брусчаткой, которая светится накопленным за день светом, и думаю, как он гневался бы, как сердился и ликовал, потому что не хотел этого и мечтал об этом.

Почему-то мне кажется, что он сердился бы днем, и сотрудники и экскурсанты получали бы вдоволь «дураков», но ночью он обходил

бы этот затаившийся и открытый, замкнутый и доверчивый мир с любовью и благословением, опять призывая Пушкина, и тот приходил бы неузнанный и, посмеиваясь, неслышно ходил бы следом, тоже дивясь новизне и привыкая, пока оба не сталкивались бы в аллее ли, на крыльце ли и не начинали смеяться – ну что ж, давай обживать!

Аллея Керн, освобожденная от подростка, стала заметнее и печальнее, как благородная старуха, одевшаяся для выхода, как сама бедная Анна Петровна со сведенными суставами и усиленно поднятой головой. Но от этого ее молодые воспоминания («камень, о который она споткнулась... ветка гелиотропа...») стали только прекраснее. Старость горестна, но трагическая ее красота возвышенна и больше говорит о поэзии, чем летучая юность.

Все так таинственно-собранным, тихо, примиренно, замкнуто и вместе открыто, что это, наверно, и есть одиночество перед Богом, которому учился здесь Пушкин и которому оно принесло такие чудные, все строящие нашу душу плоды.

Крошечный березовый листок – совсем желтый – медленно, нехотя, ухватываясь за каждую ветку, соскальзывает на подсыхающую дорогу. Так рано...

с. Михайловское

УГОЛ ЗРЕНИЯ

(ВОПРОСЫ К ИЗВЕСТНОМУ КРИТИКУ)

ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА
ВЛАДИВОСТОК

2 марта 2011 года. Радио «Лемма». Два журналиста (мужчина и женщина, имена проскочили мимо) беседуют с Александром Лобычевым. Повод – Всемирный день писателя.

Восприятие радиопередачи на слух – дело не самое надёжное: можно не услышать какие-то важные моменты. Но общий смысл разговора, кажется, отложился в памяти достаточно ясно.

А. Лобычев – из тех людей, которых принято называть законодателями. Он, пожалуй, не откажется от этого звания. И, в общем, многие признают, что Лобычев сегодня в Приморье – один из самых заметных критиков в области изобразительного искусства и литературы. Тем огорчительней слышать из его уст некоторые утверждения (довольно категоричные), которые представляются слишком субъективными, чтобы быть бесспорными.

Не хочется, например, соглашаться с тезисом, что в нашем крае сегодня художники работают плодотворней, чем писатели. Сравнение двух очень разных искусств само по себе весьма сомнительно: и то и другое живёт по своим законам, позволяющим, быть может, выявлять какие-то общие тенденции или противоречия, но едва ли дающим возможность давать сравнительные оценки.

Не очень убедительно утверждение, что наша проза настолько слабее поэзии, что её уже как бы и нет вовсе. Согласиться с ним не дают произведения М. Красули, Е. Супрановой, О. Крыжановского и К. Жемера, В. Авченко – список, на самом деле, этими именами не исчерпывается, здесь названы лишь те первые, кто вспомнился сразу. Едва ли будут солидарны с этим утверждением известные московские критики Р. Ляшева и Л. Сычёва, хабаровчане Ю. Салин и О. Копытов, высоко – на всероссийском уровне – оценившие повесть С. Барабаша «Командир "инвалидной команды"» и книгу В. Тыцких «Канайка». Принять тезис о слабости современной приморской прозы можно разве что в том случае, если свести её к А. Белых и оценивать по его литературным текстам, особенно не переводным, а оригинальным, от замысла до воплощения принадлежащим самому А. Белых.

Как-то не очень греет мнение А. Лобычева и о поэзии, которой он вроде бы отдаёт предпочтение. Серьёзный разговор об этом, по заключению нашего критика, лидирующем жанре нельзя свести к перечислению имён, особенно если этих имён всего три. Нет спору, названные в передаче поэты В. Протасов, Ю. Кабанков и Р. Мороз достойны самых высоких похвал, и, если бы разговор шёл конкретно и исключительно об их творчестве, о других поэтах можно

было бы не вспоминать. Но в контексте беседы о литературном процессе в целом столь ограниченный список может свидетельствовать либо о заведомой тенденциозности критика, либо о недостаточно полном знании предмета. Всех достойных, конечно, было бы трудно перечислить, да ведь дело не в полноте списка, а (хотя бы) в попытке критика показать необходимую осведомлённость и тем самым сделать свои умозаключения менее субъективными и более убедительными. Насколько состоятелен разговор о сегодняшней приморской поэзии без (хотя бы) упоминания А. Куликова, М. Смирновой, И. Шепеты, В. Саченко, В. Гундаревой, да и того же В. Тыцких? В трудном жанре детской литературы успешно работает Л. Берестова. И рановато из ряда современников исключать Г. Лысенко, М. Гутмана, А. Романенко – их художественное слово живёт сегодня полнокровной жизнью, в ощутимой мере определяя лицо дальневосточной поэзии. В отличие от живущего в Японии В. Казакевича, москвички И. Ермаковой, Б. Кинжеева из Канады – поэтов, заслуживающих глубокого уважения, но не имеющих прямого отношения к Приморью, однако названных критиком в передаче, посвящённой приморской литературе.

Может быть, недостаточная, скажем так, широта взгляда А. Лобычева явилась следствием его малочтения? Случайно ли, что разговор о литературно-художественных изданиях критик свёл к одному-единственному альманаху «Рубеж»? Ведь есть ещё ежемесячник «Литературный меридиан», в Артёме появился небезынтесный альманах «Артемид», наконец, во Владивостоке восемь лет выходит журнал «Сихотэ-Алинь». А ещё – арсеньевское «Синегорье», сборники уссурийской «Лиры», многочисленные издания находкинского литературного клуба «Элегия» и т.д. и т.п. Здесь не всё равноценно, но тем должно быть и интересней для критика, поскольку тоже – часть литературного процесса и как-то отражает то, чем может гордиться и чем болеет приморская литература.

Обо всём этом можно было бы подумать, не делясь своими мыслями с читателями, когда бы наши литераторы регулярно оказывались перед телекамерами и радиомикрофонами. Увы, сегодня писатели редкие гости в телестудиях и редакциях радио – это, между прочим, тоже особенность современного литпроцесса. И потому желательно, чтобы каждое публичное выступление писателя, и критика – в первую очередь, способствовало формированию в общественном сознании более-менее объективного взгляда на литературную жизнь.

ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ

Анастасия КАРАВАЕВА,
г. Арсеньев

Фото из архива автора

В последнее время много сил приложено Россией, чтобы сохранить и упрочить дружеские отношения с восточным соседом – Японией. И это отрадно. Однако всё чаще и чаще в прессе попадают односторонне-негативные материалы, представляющие в неверном свете исторические события минувшего столетия. Так, например, становится модным обвинять русских в плохом отношении к японским военнопленным во время второй мировой войны.

Мне бы хотелось обратиться к истории.

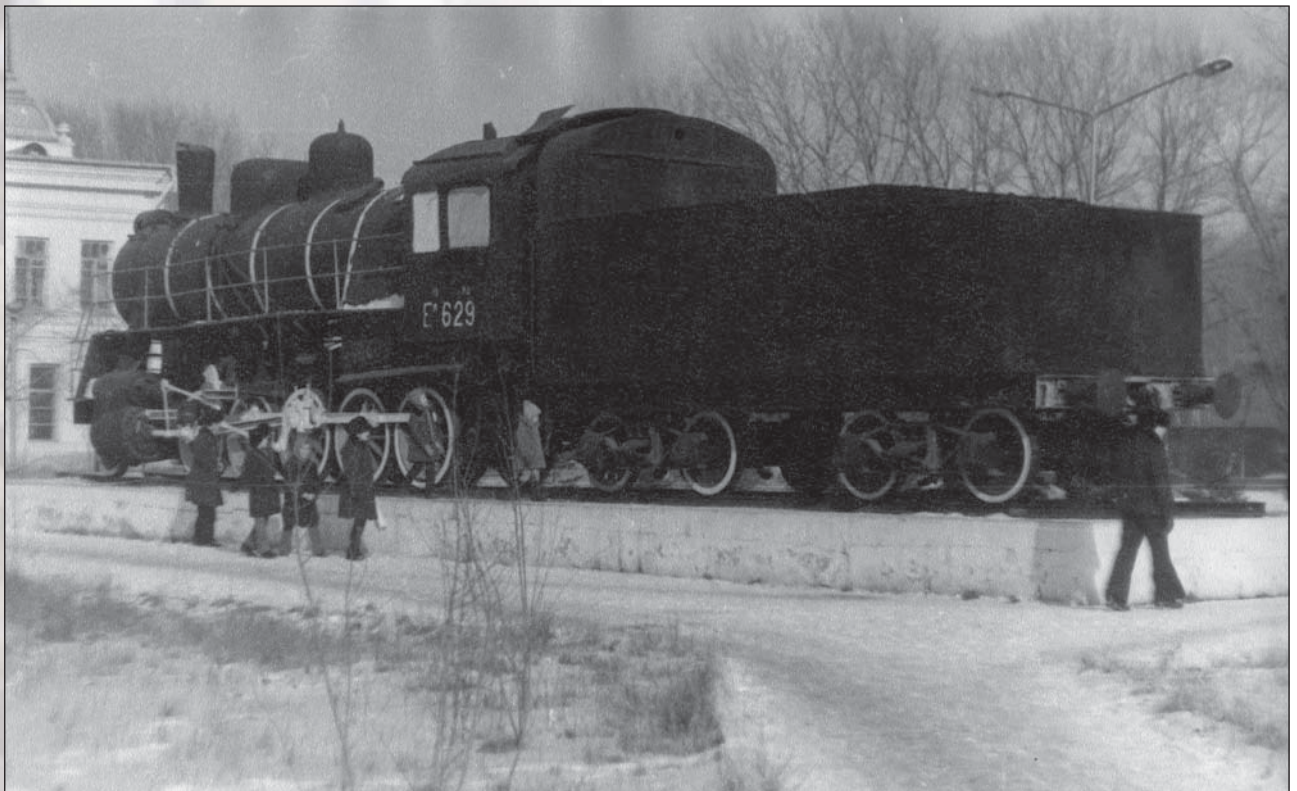
Японское государство с 19 века поглядывало на богатые земли Дальнего Востока. Политические и социально-экономические преобразования Советской власти вызвали яростное сопротивление дальневосточной контрреволюции, на помощь которой поспешили США и Великобритания, Франция и Япония, другие страны.

В ночь с 4 на 5 апреля 1918 года японские и английские десанты высадились во Владивостоке. Так началась интервенция.

Японские отряды и гарнизоны рассредоточились по всему Приморью и Приамурью, и где бы они ни появлялись, везде оставляли свои кровавые следы.

Особенной жестокостью отличались внезапные нападения на революционные гарнизоны Владивостока, Хабаровска и во многих других крупных населённых пунктах уссурийского края. От рук озверевших интервентов погибло более 5 тысяч граждан. Во Владивостоке были схвачены и казнены члены военного совета С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев.

В районе города Спасска в топке паровоза были сожжены пять красных бойцов и командующий партизанскими отрядами А.Ф. Андреев-Копылов. В газете «Красное знамя» 27 июня 1920 года опубликован рассказ спассчан о казни ещё семи человек. Жуткий рассказ о том, как в паровозной топке были заживо

Паровоз-мемориал, в топке которого были казнены члены Военного Совета С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев. г. Уссурийск

После казни партизан Тимофеева и Нефёдова

навес погреба. Рано утром, когда женщины, подоив коров, отгоняли скот в стадо, тишину разорвали выстрелы. Мать Дмитрия Пинчука бросилась к своему дому. Сына там уже не было, а все домочадцы были избиты и брошены в подполье. Японцы не пощадили даже младенца, который лежал в подвешенной зыбке.

Как потом выяснилось, среди жителей деревни оказался один «доброхот», который ночью донёс о точном нахождении партизан староверам на ул. Павлова, а те – японцам, стоявшим в соседней деревне. Чуть свет японцы нагря-

сожжены уполномоченный Временного правительства Кустовинов и ещё шесть человек, оставшихся неизвестными. Их, находящихся в полном сознании, бросали в пламя, «при этом сжигаемых мучеников изуверы тыкали и поворачивали, как поленья, раскалёнными докрасна железными щипцами...»

И таких случаев казни пламенной Голгофой было немало.

Свои «подвиги» садисты увековечили на одной из фотографий того времени. В тайге, в 1921 году, в партизанском зимовье, что расположено выше таёжной деревни Муравейки Анучинского района, взяли в плен двух партизан, Тимофеева и Нефёдова, привели в с. Анучино и учинили допрос. Ни избиения, ни пытки не помогли разговорить пленников. Тогда садисты придумали для них мученическую смерть, постепенно отпиливая ручной пилой руки, ноги и, наконец, головы. Когда всё было кончено, японцы положили на стол у стены бывшей казармы (теперь это здание районной больницы) части тел и головы казнённых, а также инструменты, которыми пользовались при экзекуции, встали рядом вместе с офицером, руководившим казнью, и сфотографировались...

Не обошла беда и с. Семёновку (ныне город Арсеньев). В августе 1919 года вернулись домой партизаны Дмитрий Пинчук и Антон Балабан. В тот же вечер у избы Якова Пинчука собрались односельчане, присели на брёвна, и потекли разговоры, расспросы. Дмитрий и Антон охотно делились своими мыслями, новостями. Друзья уютно чувствовали себя среди давно знакомых людей, родных, встреча с которыми так радовала. Японцев в Семёновке не было, и всё же, когда стали расходиться, Дмитрий Пинчук предложил Балабану, ради осторожности, заночевать на амбаре. Но Антон остался дома. Поздней ночью его жене, Хартине Игнатьевне, послышался чей-то разговор под окнами. Вышли на улицу, но никого не обнаружили. На всякий случай Балабан ушёл спать под

дверню и тут же окружили амбар, где спал Пинчук. Стащили его, связали руки и повели к дому Балабана, надеясь схватить и его. Но когда вели Пинчука, тот узнал переодетого в японскую форму односельчанина и, бросив ему в лицо: «Предатель!», – ударил иуду и рванулся в кусты. Но конвоир успел выстрелить, тяжело ранив Дмитрия. Истекая кровью, Пинчук упал. Японцы тут же бросили его, кинулись к дому Балабана и окружили усадьбу. Балабан, разбуженный выстрелами, хотел выскочить в дверь, но было поздно. Тогда он проделал дыру в крыше, выпрыгнул в огород и скрылся. Японцы открыли стрельбу, но не попали.

Мать Дмитрия Пинчука, застав дома разруху, тут же кинулась к избе Балабанов, чтобы предупредить о японцах, но по дороге в зарослях кустарника наткнулась на тяжело раненного сына. Она бросилась развязывать верёвки, но тонкоскрученные волокна так затянулись, что без ножа ничего сделать было нельзя. Дмитрий очнулся, узнал мать и запекшимися губами чуть слышно попросил: «развяжи». Проходивший мимо один из жителей Семёновки трусливо скрылся, не желая помочь. И тут появились разъярённые японцы. Дмитрий, собравшись с силами, обратился к матери: «Мама, оставь меня, уйди». Он знал – пощады от врагов не будет, и не хотел, чтобы мать видела его смерть.

Обезумевшая от отчаяния женщина бросилась к японцам с мольбой пощадить её сына. Ударом приклада винтовки её отбросили в сторону и направились к Дмитрию. Девятнадцать штыковых ран нанесли ему изверги на глазах у матери.

Расправившись с Пинчуком, японцы вернулись к домам семей партизан. Связали всех домочадцев, даже маленьких детей, и били шомполами. Потом сожгли амбар, а позже увели арестованных в соседнюю деревню, где продолжили свои глумления. У жены Балабана взяли расписку, что она «сдаст» им

Могила четырёхсот. г. Спасск-Дальний

мужа живым или мёртвым, в противном случае будет казнена. Когда её выпустили, она забрала дочь и добралась до села Чугуевка, где оставила ребёнка матери, и ушла в партизанский отряд.

Дмитрия Пинчука хоронили всем селом.

В г. Спасске-Дальнем есть памятник – могила четырёхсот. Здесь захоронены четыреста коммунистов, комсомольцев, партизан и просто жителей, боровшихся против интервентов.

Рядом с этим памятным местом стоит одноэтажный дом, в подвале которого японо-американские интервенты в 1918-1922 годах проводили допросы и пытки. Людей испытывали на живучесть. Попавших раненых не лечили, а порой и усугубляли состояние ран, живыми бросали в яму и наблюдали, как долго будет оставаться человек живым. Другим пленным отрезали руки, ноги, вспарывали животы. Эксперименты в лагерях смерти над военнопленными китайцами, корейцами, русскими японские врачи продолжали и много позже, в конце тридцатых – сороковых годах. Об этом в своё время писали и рассказывали очевидцы, когда русские войска в августе 1945 года освободили Китай от японских завоевателей.

На территории военно-морского госпиталя во Владивостоке стоит памятник отважной санитарке Марии Цукановой. Во время боёв в районе Сейсина батальон морской пехоты вёл бои с превосходящими силами противника. Вместе с бойцами была и санинструктор Мария Цуканова. Бесстрашную девушку видели в самом пекле боя. Она перевязывала раненых, подбадривала их добрым словом; не обращая внимания на разрывы снарядов, спешила на помощь. Раненная в ногу Мария, преодолевая боль, продолжала оказывать посильную помощь бойцам. Потерявшая сознание от потери крови Мария попала в руки врагов. Японцы пытались выведать све-

дения о позициях наших войск. Но и изощренные глумления их над нею не сломили Марию – она молчала. Тогда изуверы выкололи ей глаза. Так ничего и не добившись, изрезали её тело ножами...

На вершине сопки, в том месте, где ночью шли бои, десантники выкопали братскую могилу. Двадцать пять моряков были похоронены в ней и среди них – Мария Цуканова.

Война с Японией в августе 1945 года продолжалась недолго. 9 августа советские войска в составе трёх фронтов перешли в

наступление. А 2 сентября на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Дорогой ценой досталась эта победа – 12 тысяч наших солдат и офицеров навсегда остались на полях сражений.

Я хорошо помню, сколько тревог, переживаний простым людям, жителям моей деревни, принесла весть о начале войны с Японией. Хорошо запомнились дни, когда начались боевые действия. Мы жили в небольшом домике на краю деревни. Я ночью вышла во двор, и мне представилась жуткая картина. Стояла тишина. А далеко над горизонтом всё небо было расцвечено сплошными всполохами огня. Изредка шелестели в траве невидимые насекомые-путешественники. Люди спали после трудового дня. Грома слышно не было, да и на грозу эти вспышки мало походили. Вслед за мной вышла мама, я кинулась к ней: «Мама, что это?» Она долго стояла неподвижно, потом дрогнувшим голосом произнесла: «Это новая большая беда – война». У нас на фронте воевали два моих родных брата, один двоюродный, дяди, муж сестры. На троих уже получили похоронки, а Афанасия, среднего брата, надеялись встретить живым. Он закончил войну в Берлине. Не одна наша семья была такая, почти в каждом доме кто-то воевал, в каждой семье ждали победителей домой. Деревня жила в одном ритме с военными действиями на фронте, вставали и ложились с одной мыслью: «А как там?»

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Наконец наступил долгожданный мир и люди занялись мирным трудом. Нужно было восстанавливать разрушенные города и сёла, заводы и фабрики, строить новые. И в наших местах появились японцы. Не те, что когда-то считали себя победителями и хо-

зьявами, а военнопленные побеждённой страны. В бывшем селе Семёновка, где их соотечественниками когда-то был заколот штыками Дмитрий Пинчук, они закладывали фундамент ДК «Аскольд», принимали участие в строительстве дороги Арсеньев–Чугуевка. Местные жители доброжелательно относились к военнопленным, делились с ними своим небогатым пайком, ведь только кончилась война, все основные продукты были по карточкам, да и после отмены карточек изобилия не наступило. Сами несытно жили, подспорьем был огород.

Мой брат Афанасий демобилизовался, и его назначили прорабом на строительство дороги, соединявшей село Чернышевка Анучинского района, село Телянза, четвёртый лесучасток (ЛЗУ-4) «Синегорье» и ЛЗУ-3. Дорогу строили японские военнопленные. Отношения между членами нашей семьи и японскими пленными были не просто хорошими, а дружескими. Главной бедой японцев было скудное питание. В пойме реки Телянзы (ныне – Рисовая), впадающей в реку Арсеньевка, пленные выловили всех лягушек и змей – ужей и гадюк, причем среди японцев не было ни одного пострадавшего от укуса ядовитой змеи. Поймает японец змею, придушит, завяжет на шею, как галстук, и ходит так весь день, а вечером на костре жарит в своей компании. Едят дружно, похваливая.

Передвигались пленные свободно. Я даже не помню, чтобы у них были конвоиры. Брат часто приводил их домой, а иногда они по несколько человек являлись к нам и без моего брата. У нас был большой котёл, ведра на два, если не больше. Помню, во дворе японцы соорудили временную печурку, на которой и варили всё лето в котле картошку, кукурузу, кашу... Японцы, которые ели у нас, оставшееся забирали с собой для остальных пленных. Жаль, что я не помню их имён, трудно было запомнить, да и называли мы военнопленных по-своему, на русский лад. У них тоже был небогатый запас русских слов: «Матка, харосё, сын...» Объяснялись в основном жестами, но понимали друг друга хорошо. Никакой злобы или ненависти между нами не было.

Мы и сами часто голодными ходили, хлеба досыта не всегда ели. Только огород и кормил. В колхозе денег не платили, за работу начисляли трудодни, от которых не было толку – на них не давали ни зерна, ни продуктов, всё отвозили на заготпункт, сдавали государству.

Моя мама, потерявшая на этой войне своих сыновей, поддерживала добрым словом, делилась едой с бывшими воинами враждебной страны, жалела их как мать. И военнопленные на добро отзывались добром, часто рассказывали о своих родных и близких, ожидавших их возвращения домой.

Помню такой случай. Как-то я задержалась в соседней деревне, возвращаться пришлось поздним вечером. Взошла луна, вечер был тихий и морозный. Вдоль дороги в сказочном серебристом сиянии стояли деревья. Идти было около шести километров.

Я, как всегда в таких случаях, предалась своим фантазиям – стала сочинять историю о приключениях одинокой девочки в сказочном лесу. Увлёкшись, я не сразу услышала скрип снега под ногами догоняющего меня человека. Когда он, как по волшебству, вырос рядом со мной, я от неожиданности вздрогнула. Увидев мой испуг, он начал мне жестами и мимикой объяснять, что окликал меня тихонько, боясь испугать, и от самого села пытался меня догнать. На нём был тёплый бушлат и меховая японская шапка с ушами. Почему тот военнопленный направлялся в мою деревню в тот вечер, я сейчас и не вспомню. Мне тогда было лет 10-12, но очень хорошо запомнилась наша удивительная беседа. Он не знал русского языка, а я японского, но мы очень хорошо понимали друг друга и даже веселились. Он спросил, сколько мне лет. Оказалось, у него была дочь моего возраста – проказница. Японец, разговаривая, сопровождал свою речь жестами и мимикой. Мы весело смеялись. Я ему рассказала о своей семье, выяснилось, что он знает моего брата. Его имя – Афанасий – японец смешно произносил: «Фана-сан каросё». Я знала, что военнопленные уважительно относились к моему брату.

Так мы с ним и дошли до деревни. Возможно, он жив сейчас и помнит эту дорогу с девочкой в русском лесу. Он называл своё имя, но память моя его не сохранила.

В 1992 году в г. Хабаровске на совещании по захоронению японских военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока было принято решение о посмертной судьбе пленных японских солдат, которые остались лежать в русской земле. Постановили разыскать документы о пребывании японцев у нас в плену, привести в порядок кладбища, установив там памятники-обелиски, помочь здравствующим очевидцам трагедии (японское правительство не признавало их статуса, ссылаясь на отсутствие официальных советских документов) и разрешить родственникам погибших посетить места захоронений, чтобы утолить их горе, а также обеспечить возможное перезахоронение останков на родине погибших. В процессе работы членам комиссии приходилось встречаться со многими японцами, которые были в плену, и с русскими очевидцами тех событий. И все они отмечают, что жестоких побоев, голода, которыми одно время пугали родственников пленных, в лагерях не было.

В начале своего повествования я затронула вопрос взаимоотношений России и Японии. Почему? Нам, русским, очень хочется жить в мире и согласии со всеми народами земли, хочется, чтобы жители нашей планеты всегда помнили, какие беды приносит война. Давайте искать решение всех самых сложных проблем мирным путём. И да поможет нам Бог!

РУССКАЯ ЗВЕЗДА

Валентин СОРОКИН,
г. Москва

Валентин Васильевич Сорокин – известный русский поэт и публицист. Автор книг «Мечта», «Мне Россия сердце подарила», «Я не знаю покоя», «Крест поэта» и других. Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии РСФСР и других.

Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

ГИМН МИРОТВОРЦАМ

*Кто нам не лжёт,
тот нас и бережёт.*

1

Миротворцы в крови и в пыли
Под Цхинвалом в боях полегли.
Миротворцы, России сыны,
Вы ко мне заявляетесь в сны.
Слышу голос я: «Сколько же лет
Мы воюем,

а истины нет?»

Полстраны откололи враги,
Ты хоть, Господи, нам помоги!..

2

Вижу домик ваш и огород,
Вижу раненый братский народ.
Из Тбилиси палач и нахал
Пьяным танком
Цхинвал пропахал.

Слышу Буша, он сладко поёт
Нам о дружбе, а сам предаёт.

Миротворцы, я старший ваш
брат,

Так страдаю,
что жизни не рад.

Сколько ж можно вам головы
класть,

Чья и где она, честная власть?..
Вижу нищих я ваших детей
У ларьков и трамвайных путей.

3

Я устал от посул, миражей,
Пусть объявится день
без бомжей.

Взяв кровавых владык
под конвой,

Миротворцы, вернитесь домой.
Миротворцы единой Земли,
Искупайте их в той же пыли.
Привяжите к позорным столбам,
Ну а время им даст по зубам.

Пусть сбежит с Кондолизою Райс
К Абрамовичу рыжий Чубайс!..

Пусть спокойно
полковник Квачков

Учит службе своих новичков.
О судах, о Чубайсах ли речь,
Он родился Отчизну беречь.
А Чубайсам и кохам без нас,
Без Квачкова им время воздаст!
За предательство и за грабёж
Пусть поплатится каждая вошь.

4

Миротворцы, я кланяюсь вам,
Ваша доблесть звенит
по холмам.

Над хребтами Кавказа летит,
Каждый сокол средь вас

знаменит.
Каждый витязь бессмертен
средь вас,

Будет праздник,
да, грянет тот час:

Мать-Россия ладонью своей
Вас погладит –
с виска до бровей.

И поплачет, и скажет: «Сыны,
Отмолила я вас у войны!»
Будет влажным платочек
от слёз,

В храме вас оприветит Христос!

5

Миротворцы, вы ангелы, вы
Выше славы и выше молвы.
Слава реет о вас и молва,
Как пчелиный нектар, медава!

Миротворцы,
счастливый вам путь,

Пусть врачует вам солнышко
грудь.

Ваша совесть блаженно чиста
От рождения и до креста.
Вы ко мне заявляетесь в сны,
Миротворцы, вы Божьи сыны!..

2009

ПРОТИВ ДЬЯВОЛОВ

*«Я не люблю Есенина!»
«Россия – сука!»
Из уст русофоба*

Что тебе Россия и Есенин,
Отчий дом и молодость своя,
Если ты под яблоней весенней
Так и не услышал соловья.

А сегодня ты, на зависть бонзе,
Святостям и чести учишь мир,
Ведь не зря по всем экранам
Познер

О тебе талдычит.
Спецкумир...

И уже никто не удивится,
Ты, со сцен лукавостью шурша,
Разбазарил совесть по столицам,
Вот и обарбосилась душа.

Сколько лет у Брежнева и Буша
Ты вилял
хвостом,

пушистый зверь,
Вечно знаменитый проституша,
Чудище музейное теперь!

Ты стрелял за Ельцинскую попой
С бэтээра в пролетарский флаг,
Щедро Вашингтоном и Европой
Удостоен почестей и благ.

Мы тебя не примем за мессию,
Русские,
мы в горестях сильней:

Или мы уберём Россию,
Или мы погибнем вместе с ней!

Нету нам нигде от вас покоя,
Кочевые дьяволы Земли.
Но летят, курлыча над Окою,
В синеве рязанской журавли.

И вдали, за серебристым
бродом,
Где тебя в помине даже нет,
Там стоит Христос
перед народом,
Рядом он –
бессмертный наш поэт!

2010

ТАЙНА

Ливень деревья один ласкает

Я нашёл тебя в поле,
берёзку мою,
В православном,
но Богом забытом краю,
Где на каждом холме
и у каждой версты
О погибших деревьях
тоскуют кресты,
Где избушки-старушки,
с глазами совы,
Не дождались защиты
и правды Москвы.
Я нашёл тебя в поле,
берёзку мою,
В православном твоём
разорённом краю,
Где утята кричат и зовут матерей,
Уронивши себя под свинец
егерей.

Там речушки кричат,
там Россия кричит,
Но не слышит Москва,
Кремль молчит и молчит.
Я нашёл тебя в поле,
берёзку мою,
Ты – молитва моя и надежда
в краю!

2006

РУССКАЯ ЗВЕЗДА

Анатолию Жукову

Ночь спустится,
безлунна и глуха,
Селенья в нищих далях
растворятся.
Ромашки свянут, высохнет ольха
И кладбища в раскопки
превратятся.
Меж городских назойливых
огней
Гнезда, вернувшись,
не найдёт галчонок.
Смуглее станут лица у парней

И почернеют косы у девчонок.
Жаль, не сумели мы
предупредить
Сплошной цивилизации
прогрессы:
Начнут по скверам роботы
бродить,
С балконов кукарекать
«мерседесы».
И каждый с родословною своей
Расстанется,
как с мелочью каприза...

А там, где пел знакомый соловей,
Обнимет нежно киллера
актриса.
Нашельцев золотые времена,
Вчерашняя и нынешняя драма.
Помилуй нас ты, отчая страна,
За разоренье совести и храма!
Бессонница поэта глубока.
Гудки машин на трактах
прокопчённых.
Ночь без луны,
цветы без родника,
И без гнезда семейного
галчонок.
Когда, снегами белыми шурша,
Смерч пролетит
по вехам жизни тленной,
Измученная русская душа
Взойдёт
звездой прощанья
над Вселенной!

2008

Я ВИНОВАТ

Кресты метелями повиты.
Деревня.
Сумерки.
Луна.
Что сделали с тобой бандиты,
Моя несчастная страна!

Ни балалайки, ни гармони,
О мама, я в твоей судьбе, -
Целую я твои ладони
И низко кланяюсь тебе!

Я слышу крик, а не роптанье,
Солдат и узников набат...
За все, за все твои страданья
Я виноват!
Я виноват!

Вон плачет поле голубое
Над плёсом Волги и Двины,
И лишь расист перед тобою
Не признает своей вины.

Расист разрушил храмы наши
И приказал нам – не рожать:
«Не смейте вы святые чаши
За честь семейную держать!»

Я боль осилю, страх осилю,
Нас Бог над бездной вознесёт,
Ведь кроме нас никто Россию,
Никто Россию не спасет!

2008

Иноземцу меня не осилить
И уже невозможно пресечь,
Я недаром родился в России
И пою её горе и меч.

Вырастал я за сына и брата
Из тяжелой и злой маеты,
Вам, которые ложью распяты,
Вам, которые пулей взяты.

Смолкни, ветер,
над миром разбоя,
Эхо смерти, не шастай в лесу,
Я боюсь, что однажды с собою
Тайну века во тьму унесу.

Будет каждая крыша согрета,
Вспыхнет праведный свет
навсегда,
Если в грешную память поэта
Залетает вселенной звезда.

Если, выстояв, выдюжив, вызнав,
Я поднялся – и солнце в груди,
Если вещая мать-Отчизна
День и ночь у меня впереди.

Струны времени,
совести стрелы,
Красной масти на поле цветы,
Это – чувства и слова пределы,
Это – ты, моя Родина, ты!

Автор рисунка неизвестен

ИНЫХ НЕ ВИДНО ВАРИАНТОВ

Николай ЗИНОВЬЕВ,
г. Кореновск

* * *

Отныне всё отменено,
Что было Богом нам дано
Для жизни праведной и вечной.

Где духа истины зерно?
Верней спросить: «Зачем оно
Людской толпе бесчеловечной?»

Итак, грешите, господа.
Никто за это не осудит.
Не будет страшного суда,
И воскресения не будет.

ЛЕГЕНДА

А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке,
При внезапном степнячком
набеге
Они с кровью скатились с лица.

И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И с тех пор они чёрного цвета.

* * *

В который раз нам это слышать:
«Вновь у ворот стоит беда,
Сцепите зубы, надо выжить».
О русский Бог, а жить когда?

ПОЭТ НА КЛАДБИЩЕ

– Зачем, где тропки узкие,
Надгробья и кресты?
Вставайте, люди русские! –
Кричишь, безумец, ты.
В ответ здесь лишь молчание
Смешалось с гулом пчёл.

– Сюда я от отчаянья
Из города пришёл.

ЛАСТОЧКИ

Живут без отчества, без имени,
Но по приказу не поют,
Не мечут бисер перед свиньями
И на чужбине гнёзд не вьют.

ПОЛЁТ

Мчусь я полем беспредельным,
Разогнавшись налегке.
За спиной летит нательный
Крест на шёлковом шнурке.
Мы летим вдвоём с гнедою
По дороге вдоль реки,
Нас пугаясь, под водою
Тотчас прячутся нырки.
Полям, шляхом, снова полям,
Перепадочком косым,
И рождается на воле:
«Русь моя сильна не горем –
Духом, борющимся с ним!»

* * *

Хоть каплю радости, судьба!
Яви отрадную картину.
Я вышел в степь, на луговину,
И что я там увидел, ба!

Зарю, что зорям всем заря,
Корову пасшего мальчишку,
Он Нового Завета книжку
Читал, губами шевеля...

* * *

Кружил февраль по косогорам,
Позёмка пряталась в стерне,
Когда одним сплошным укором
Вся жизнь моя предстала мне.

Кого я спас? Кого приветил?
Кому был дорог мой ночлег?
Ответа не было. Лишь ветер
Бросал в лицо колючий снег.

* * *

Я не пойму, куда всё делось?
Ты, если знаешь, подскажи:
Где духа мощь
и сердца смелость?
Где доброта людской души?

Или с рожденья наши души
Не посещала доброта?
Боясь в ответ услышать «да»,
Я в страхе закрываю уши.

* * *

Не сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.

Держись, родимая, держись!
И не спеши расстаться с телом.
Крепись, душа! В России жизнь
Всегда была нелёгким делом.

* * *

Я своего совсем не помню деда,
Но в этом вовсе не моя вина:
Его взяла великая Победа,
А если проще – отняла война.

Мы с братом на него
чуть-чуть похожи,
И правнук тоже, хоть ещё малыш.
Со всем не помню деда я,
но, Боже,
Кого в России этим удивить?

* * *

Боже мой, уже за сорок,
А счастливых лет – ни дня...
Есть ещё, конечно, порох.
Порох есть. Да нет огня...

МОЛИТВА

Как ни темна, как ни трудна
Жизнь россиян, как ни убога,
К Творцу есть просьба
лишь одна,
Лишь об одном прошу я Бога:

«Не дай такого, Боже мой,
Чтоб наша Русь, ругаясь матом,
Пошла по миру не с сумой,
А с самым лучшим автоматом...»

* * *

Это мы с тобой страдальцы?
Не гневи Творца, мой друг.
Вот сидит солдат без рук,
И на мир глядит... сквозь пальцы.

ДВА БЕРЕГА

Шум, веселье на том берегу,
А на этом безлюдно и тихо,
Только возятся мыши в стогу
Да облита луной облепиха.

Где-то тихо всплеснулся налим...
Видно, здесь буду встречен
рассветом

Я с безумным желаньем моим:
Быть на том берегу и на этом.

* * *

Однажды после пьянки
Проснёшься сер и хмур,
В окно посмотришь: янки
На завтрак ловят кур.

Чужим гортанным смехом
Буравят тишину
И тащат на потеху
В сарай твою жену.

Взлетают крик и перья,
Кровавится рассвет,
А у тебя с похмелья
Подняться силы нет.

У РЕКИ

Высь небесная чиста,
Схожа с ризою Христа.
Дивный вечер! Солнце тает.
Заскользили водомеры.
Только веры не хватает,
Только веры...

ОКНО

Моё любимое окно,
Чего я в нём не видел только:
Вон из горла́ мужик вино
Глотает... Вон промчалась
«Волга».

А вон последняя модель
Роскошнейшего «мерседеса»...
А за углом стоит бордель,
Напротив здания собеса...

Проходит женщина... Одна...
Ворона села на верхушку...
Пока смотрел я из окна,
К нему пристроили психушку.

* * *

Душа ещё не охладела,
Ещё бывает ей светло,
Но сердце бедное... Оно
Давно от горя поседело.

* * *

И длится век наш
развращённый,
И мне отчётливо видна
Картина грустная одна:
«Кипит наш разум
возмущённый».
И скоро выкипит до дна.

* * *

Мне б только радоваться маю,
Но я давно уж не юнец.
И я прекрасно понимаю:
Приходит родине конец.

Иных не видно вариантов,
И я, гуляя по леску,
Живую чувствую тоску
Давно усопших эмигрантов.

XXI ВЕКУ

Спадёт с очей твоих завеса,
И ты узришь, как мир людей
Под погребальный марш
Прогресса
Стремится к бездне всё быстреей.

Но ты пока не видишь это,
Ты в суете погряз мирской,
Лишь сердце чуткое поэта,
Как атмосферою планета,
Объято страхом и тоской.

РОССИЯ

Под крики шайки оголтелой
Чужих и собственных Иуд
Тебя босой, в рубахе белой
На место лобное ведут.

И старший сын указ читает,
А средний сын топор берёт,
Лишь младший сын ревмя ревёт
И ничего не понимает...

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ

На ветру дрожит осинка,
Хлещет веткой по глазам:
Не гляди, что гроб из цинка
Из Чечни летит в Рязань.

Но летит под небесами
Гроб, и воеет, и свистит.
А навстречу из Рязани
Материнский крик летит.

Сердце бьётся, время мчится.
Боже правый, сохрани,
Чтоб не видеть, что случится,
Когда встретятся они.

ПОДСНЕЖНИК

(Монолог женщины)

Ты опять прошлялся в роще?
Воскресенье? Ну так что ж?
Посмотри: небритый, тощий,
На кого ты стал похож?

У других мужья как люди,
Выходной так выходной.
Сядут, выпьют – кто ж осудит?
Что ты прячешь за спиной?

Ой! Подснежник! Мне? Откуда?
Как ты мог такое чудо
Отыскать в снегу, зимой?!
Следопыт... колючий... мой...

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Травы пахнут так сладко,
Воздух тёплый такой.
За железной оградкой –
Тишина и покой.
Как зелёная туча
За оградкой – ветла.
И калитка скрипуча,
И скамейка тепла.

Станным кажется это,
И сомненья берут:
То ли солнцем нагрета,
То ли ангел был тут?..

* * *

Дай Бог мне славу и почёт,
Богатство дай – всё будет мало!
Всё будет словно бы не в счёт
Без губ её, горящих ало.

Пусть Бог меня вдруг нищетой,
Как ледяной водой, окатит.
Но даст глаза и губы той,
Одной-единственной! И хватит.

МОЁ УТЕШЕНИЕ

Да ведь ты сам не знаешь,
Что надобно тебе,
А всё грубить дерзаешь
И Богу, и судьбе.

Глядеть не надо косо,
Кончай качать права,
Засни и успокойся,
Как в снегопад трава.

Будь чист, как лист бумаги.
Доверься небесам.
Ведь что тебе во благо,
Ты знать не можешь сам.

ФОМА ДАНИЛОВ, ЗАМУЧЕННЫЙ РУССКИЙ ГЕРОЙ

(из «Дневника писателя» за 1877 год)

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ

В прошлом году, весной, было перепечатано во всех газетах известие, явившееся в «Русском инвалиде», о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фомы Данилова, захваченного в плен кипчаками и варварски умерщвлённого ими после многочисленных и утончённейших истязаний, 21 ноября 1875 года, в Маргелане, за то, что не хотел перейти к ним в службу и в магометанство. Сам хан обещал ему помилование, награду и честь, если согласится отречься от Христа. Данилов отвечал, что изменить он кресту не может и, как царский подданный, хотя и в плену, должен исполнить к царю и к христианству свою обязанность. Мучители, замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырём. Тогда это известие, хотя и сообщённое всеми газетами, прошло как-то без особенного разговора в обществе, да и газеты, сообщив его в виде обыкновенного газетного *entrefilet*, не сочли нужным особенно распространиться о нём. Одним словом, с Фомой Даниловым «было тихо», как говорят на бирже. Потом, как известно, наступило славянское движение, явились Черняев, сербы, Киреев, пожертвования, добровольцы, и об Фоме замученном позабыли совсем (то есть в газетах), и вот недавно только получились к прежнему известию дополнительные подробности. Сообщают опять, что самарский губернатор навёл справки о семействе Данилова, происходившего из крестьян села Кирсановки, Самарской губернии, Бугурусланского уезда, и оказалось, что у него остались в живых жена Евфросинья 27 лет и дочь Улита шести лет, находившиеся в бедственном положении. Им помогли по благородному почину самарского губернатора, обратившегося к некоторым людям с просьбою помочь вдове и дочери замученного русского героя и к самарскому губернскому земскому собранию с предложением, не пожелает ли оно поместить дочь Данилова стипендиаткой в одно из учебных заведений. Затем собрали 1320 рублей и из них шестьсот отложили дочери до совершеннолетия, а остальную сумму выдали самой вдове на руки, а дочь Данилова приняли в учебное заведение. Кроме того, начальник Главного штаба уведомил губернатора о всемилостивейше назначенной вдове Данилова пожизненной пенсии из государственного казначейства, по сто двадцати рублей в год. Затем – затем дело, вероятно, опять будет забыто ввиду текущих тревог, политических опасений, огромных вопросов, ждущих разрешения, крахов и проч. и проч.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось к этому поразительному поступку равнодушно, как к не стоящему внимания. Факт лишь тот, что немного говорили или, лучше, почти никто не говорил об этом особенно. Впрочем, может быть, и говорили где-нибудь про себя, у купцов, у духовных, например, но не в обществе, не в интеллигенции нашей. В народе, конечно, эта великая смерть не забудется: этот герой принял муки за Христа и есть великий русский; народ это оценит и не забудет, да и никогда он таких дел не забывает. И вот я как будто уже слышу некоторые столь известные мне голоса:

«Сила-то, конечно, сила, и мы признаем это, но ведь всё же – тёмная, проявившаяся слишком уж, так сказать, в допотопных, оказавшихся формах, а потому – что же нам особенно-то говорить? Не нашего это мира; другое бы дело сила, проявившаяся интеллигентно, сознательно. Есть, дескать, и другие страдальцы и другие силы, есть и идеи безмерно высшие – идея общечеловечности, например...»

Несмотря на эти разумные и интеллигентные голоса, мне всё же кажется позволительным и вполне извинительным сказать нечто особенное и об Данилове; мало того, я даже думаю, что и самая интеллигенция наша вовсе бы себя не столь унизила, если б отнеслась к этому факту повнимательнее. Меня, например, прежде всего удивляет, что не обнаружилось никакого удивления; именно удивления. Я не про народ говорю: там удивления и не надо, в нём удивления и не будет; поступок Фомы ему не может казаться необыкновенным, уже по одной великой вере народа в себя и в душу свою. Он отзовётся на этот подвиг лишь великим чувством и великим умилением. Но случись подобный факт в Европе, то есть подобный факт проявления великого духа, у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нём на весь мир. Нет, послушайте, господа, знаете ли, как мне представляется этот тёмный безвестный Туркестанского батальона солдат? Да ведь это, так сказать, – эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ её, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъёма и проявления великой мысли и великого чувства. Послушайте, ведь вы всё же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно-европействующие, то есть в сущности предобреешие: ведь не отрицаете же и вы, что летом народ наш проявил местами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и детей и шли умирать за веру, за угнетённых, Бог знает куда и Бог знает с какими средствами, точь-в-точь как первые крестоносцы девять столетий тому назад в Европе, – те самые крестоносцы, которых появление вновь Грановский, например, считал бы чуть ли не смешным и обидным «в наш век положительных задач, прогресса» и проч. и проч. Пусть это летнее движение наше, по-вашему, было слепое и даже как бы неразумное, так сказать «крестоносное», но ведь твёрдое же и великодушное, в этом нельзя не сознаться, если чуть-чуть пошире посмотреть. Просыпалась великая идея, вознёсшая, может быть, сотни тысяч и миллионов душ разом над косностью, цинизмом, развратом и безобразием, в которых купались до того эти души. Ведь вы знаете, народ наш считают до сих пор хоть и добродушным и даже очень умственно способным, но всё же тёмной стихийной массой, без сознания, преданной поголовно порокам и предрассудкам, и почти сплошь безобразником. Но, видите ли, я осмелюсь высказать одну даже, так сказать, аксиому, а именно: чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своём может унизиться, а надо брать в со-

ображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придёт тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнёта, от загрубелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он всё-таки уцелеет, неповреждённый, в сердце этого народа.

Фома Данилов с виду, может, был одним из самых обыкновенных и неприметных экземпляров народа русского, неприметных, как сам народ русский. (О, он для многих ещё совсем неприметен!) Может быть, в своё время не прочь был погулять, выпить, может быть, даже не очень молился, хотя, конечно, Бога всегда помнил. И вот вдруг велют ему переменить веру, а не то – мученическая смерть. При этом надо вспомнить, что маке бывают эти муки, эти азиатские муки! Пред ним сам хан, который обещает ему свою милость, и Данилов отлично понимает, что отказ его непременно раздражит хана, раздражит и самолюбие кипчаков тем, «что смеет, дескать, христианская собака так презирать ислам». Но несмотря на всё, что его ожидает, этот неприметный русский человек принимает жесточайшие муки и умирает, удивив истязателей. Знаете что, господа, ведь из нас никто бы этого не сделал. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но ведь тут дело произошло в совершенной безвестности, в глухом углу; никто-то не смотрел на него; да и сам Фома не мог думать и наверно не предполагал, что его подвиг огласится по всей земле Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первых веков христианских, отчасти всё же были утешены и облегчены, принимая свои муки, тем убеждением, что смерть их послужит примером для робких и колеблющихся и ещё больших привлечёт к Христу. Для Фомы даже и этого великого утешения быть не могло: кто узнает, он был один среди мучителей. Был он ещё молод, там где-то у него молодая жена и дочь, никогда-то он их теперь не увидит, но пусть: «Где бы я ни был, против совести моей не поступлю и мучения приму», – подлинно уж правда для правды, а не для красоты! И никакой кривды, никакого софизма с совестью: «Приму-де ислам для виду, соблазна не сделаю, никто ведь не увидит, потом отмолюсь, жизнь велика, в церковь пожертвую, добрых дел наделаю». Ничего этого не было, честность изумительная, первоначальная, стихийная. Нет, господа, вряд ли мы так поступили бы!

Но то мы, а для народа нашего, повторю, подвиг Данилова, может быть, даже и не удивителен. В том-то и дело, что тут именно – как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского, тем-то всё это и дорого для меня, и для вас, разумеется. Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты. И пусть он груб и безобразен, и грешен, и неприметен, но приди его срок и начнись дело всеобщей всенародной правды, и вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнётом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже перед страхом самой жесточайшей мученической смерти. И всё это он делает и проявит просто, твёрдо, не требуя ни наград, ни похвал, собою не красуясь: «Во что верую, то и исповедую». Тут даже самые ожесточённые спорщики насчёт «ретроградства» идеалов народных не могут иметь никакого слова, ибо дело вовсе уже не в том: ретрограден идеал или нет? А лишь в способности проявления величайшей воли ради подвига великодушия. (Эту смешную идейку о «ретроградстве» идеалов я ввёл здесь ради полного беспристрастия.)

Знаете, господа, надо ставить дело прямо: я прямо полагаю, что нам вовсе и нечему учить такой народ. Это со-

физм, разумеется, но он иногда приходит на ум. О, конечно, мы образованнее его, но чему мы, однако, научим его – вот беда! Я, разумеется, не про ремёсла говорю, не про технику, не про математические знания, – этому и немцы заезжие по найму научат, если мы не научим, нет, а мы-то чему? Мы ведь русские, братья этому народу, а стало быть, обязаны просветить его. Нравственное-то, высшее-то что ему передадим, что разъясним и чем осветим эти «тёмные» души? Просвещение народа – это, господа, наше право и наша обязанность, право это в высшем христианском смысле: кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его незнающему, блуждающему во тьме брату своему, так по Евангелию. Ну и что же мы сообщим блуждающему, чего бы он сам не знал лучше нашего? Прежде всего, конечно, что учение полезно и что надо учиться, так ли? Но народ ещё прежде нашего сказал, что «ученье – свет, неученье – тьма». Уничтожению предрассудков, например, низвержению идолов? Но ведь в нас самих такая бездна предрассудков, а идолов мы столько себе наставили, что народ прямо скажет нам: «Врачу – исцелися сам». (А идолов наших он отлично умеет уже разглядывать!) Что же, самоуважению, собственному достоинству? Но народ наш, весь, в целом своём, гораздо более нашего уважает себя, гораздо глубже нашего чтит и понимает своё достоинство. В самом деле, мы самолюбивы ужасно, но ведь мы совсем не уважаем себя, и собственного достоинства в нас совсем нет никакого и даже ни в чём. Ну нам ли, например, научить народ уважению к чужим убеждениям? Народ наш доказал ещё с Петра Великого – уважение к чужим убеждениям, а мы и между собою не прощаем друг другу ни малейшего отклонения в убеждениях наших и чуть-чуть несогласных с нами считаем уже прямо за подлецов, забывая, что, кто так легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя. Ну нам ли учить народ вере в себя самого и в свои силы? У народа есть Фомы Даниловы и их тысячи, а мы совсем и не верим в русские силы, да и неверие это считаем за высшее просвещение и чуть не за доблесть. Ну чему же, наконец, мы научить можем? Мы гнушаемся, до злобы почти, всем тем, что любит и чтит народ наш и к чему рвётся его сердце. Ну какие же мы народолюбцы? Возразят, что тем больше, стало быть, любим народ, коли гнушаемся его невежеством, желая ему лучшего. О нет, господа, совсем нет: если б мы вправду и на деле любили народ, а не в статейках и книжках, то мы бы поближе подошли к нему и озаботились бы изучить то, что теперь совсем наобум, по европейским шаблонам, желаем в нём истребить: тогда, может, и сами научились бы стольному, чего и представить теперь даже не можем.

Есть у нас, впрочем, одно утешение, одна великая наша гордость перед народом нашим, а потому-то мы так и презираем его: это то, что он национален и стоит на том изо всей силы, а мы – общечеловеческих убеждений, да и цель свою поставили в общечеловечности, а стало быть, безмерно над ним возвысились. Ну вот в этом и весь раздор наш, весь и разрыв с народом, и я прямо провозглашаю: уладь мы этот пункт, найди мы точку примирения, и разом кончилась бы вся наша рознь с народом. А ведь этот пункт есть, ведь его найти чрезвычайно легко. Решительно повторяю, что самые даже радикальные несогласия наши в сущности один лишь мираж. Но что же это за пункт примирения?..

ОТ РЕДАКЦИИ

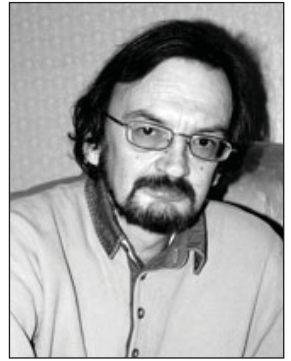
Отрывком из дневника великого русского писателя мы продолжаем ряд публикаций, посвящённых поиску путей консолидации общества, повышению уровня самосознания россиян.

Ждём ваших откликов, дорогие читатели!

ХОЛМИСТОЕ НЕБО

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ,
г. Нальчик

Георгий Борисович — автор сборников стихов «Пролог», «Акт третий, сцена первая», «Реквием по столетию», «Сфера дымчатого стекла», «Нечто большее», вышедших в издательстве «Эльбрус». В издательстве М. и В. Котляровых отдельными книжками выпущены стихотворное переложение Апокалипсиса (Откровения Святого Иоанна Богослова) и поэма «Потерянный ад». В специальной серии ростовского отделения Союза российских писателей «32 полосы» представлен сборником «Я не тот человек». В издательствах «Домино» (СПб.) и «Эксмо» (М.) напечатаны переведенные им на русский язык романы «Белый отель» и «Арарат» Д. М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла и «Лондонские поля» М. Эмиса, «Влюбленный призрак» Дж. Кэрролла, «Носорог для Папы Римского» Л. Норфолка; в издательстве «Азбука-классика» — роман И. Фонсеки «Привязанность». Стихи, переводы и статьи публиковались в журналах «Дружба народов», «Эльбрус», «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», «Ковчег», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Южная Звезда», а также в сетевом альманахе «45 параллель». Живет в Нальчике.

* * *

В уверенной хозяйской позе,
как Ряба на родном насесте,
сидит ворона на берёзе:
берёзе – шесть, вороне –
двести.

Да только в вечности масштабах
их возрасты неразличимы:
чуть-чуть покаркаешь – и набок,
пошелестишь – и нет дивчины.

О грозных звёздах стих слагая,
Ars brevis, мыслишь поневоле,
но их не ждёт судьба другая,
не век пастись им на приколе.

«Всё чёрные поглотят дыры,
всё сгинет скоро в пасти
мрака...»
Не вой, собака! Звуком лиры
я присмирю тебя, собака.

Того и время не зарежет,
что неподвластно спешки блуду;
пустое место всё содержит,
«нигде» равняется «повсюду».

СФЕРА ДЫМЧАТОГО СТЕКЛА

От дыхания нет следов?
Всё сгорает навек дотла?
Но хранит отлетевший вздох
сфера дымчатого стекла!

Позабыт давно стеклодув.
Вздох не канет который год.
Что в нем – грусть?
перегара дух?
так, зевок? или боль невзгод?

Это дымчатое стекло
переменчиво, как вода:
то темнеет, то вновь светло.
А внутри – не идут года.

Давний день до сих пор внутри.
Миг ушедший – как в горле ком!
Ты стекло рукавом протри...
Я с таким ремеслом знаком.

Ведь когда я ищу строку,
чтоб не ведала лжи и стен, –
я надежду, любовь, тоску
заточаю в стеклянный плен.

Из чего он, парящий шар?
Сгоряча на асфальт швырни –
лишь взовьется
мгновенный пар...
И – осколки лежат одни!

Призадумайся – значит, он
весь составлен из злых заноз?
А рождает – волшебный звон!

Это раньше душой звалось.

* * *

Когда исчерпается к чёрту
твой певческий импульс,
досадливо лапкой помашешь:
мол, не до олимпу-с,
я лучше со мхами смешаюсь
да с листьями слипнусь, –
древесная жизнь,
она тоже шурует по жилам;
приятней шуршать, чем опять
обнаруживать ляпсус
в своих же стихах, вслед за чем
только тыкву облапишь:

в чужие салазки почто,
бедолага, залазишь?
пора бы заткнуться, под стать
остальным пассажирам.

Заткнуться, замкнуться,
и пусть роговеет короста...
Казалось бы, всё справедливо,
разумно и просто,
но фото припомнишь
трухлявого Роберта Фроста,
что был голосистей тебя
даже под девяносто, –
и сызнава старые одолевают
напряги,
опять приникаешь, коряга,
к дисплейной бумаге,
спускаешь в словесные залежи
памяти драги,
скребёшь и царапаешь
донышко... так – до погоста.

А что до находок, то дело,
вестимо, в породах,
в излучинах русла, в живых
и отравленных водах,
в прекрасных удавах, во вдовах
и годах-удодах:
обмен здесь возможен,
но глина намного дороже,
чем все драгоценности,
ибо она изначально –
пластична, как слово,
и столь же нежна и печальна,
за что вобрала в себя душу,
послушно-зеркальна,
чтоб снова отдать её в миг
искупительной дрожи.

Тебе этот миг предначертано
множить и множить,
поскольку не раз то,
что прожито, должно итожить,
чтоб нежить изжить, раздробить,
истребить, уничтожить –
и вычерпать полностью то,
что от воли, от света...
Но как объяснить,
для чего и кому это надо?
Мотив зарождается –
нет никакого с ним слада,
дарить ему горло –
в одном только пенье награда,
страда и отрада... покуда
не все еще спето.

Не думай о сроке,
но, выглянув утром с балкона,
порадуйся молча проворности
антициклона,
что за ночь до блеска отдраил
настил небосклона,
на коем октябрьское солнце
к тебе благосклонно, –
и, щурясь от дыма трескучей
своей сигаретки,
возьми на заметку,
какой дерзновенной расцветки,
пускай стали редки,
но сделались листья на ветке
ещё не опавшего,
не оголённого клёна.

ОТЛИЧИЯ В КАРТИНКАХ

Средство – по гулкой лестнице
в тени скользнуть вечерние.
Улица – провозвестница
краткого облегчения.

Не потому, что в сумерках
спросят тебя о куреве.
Не потому, что суетно.
Не потому, что кубарем

время летит и смешаны
с ветром и смехом возгласы...
Но потому, что медленно,
из ничего, из воздуха

снова возникнет лестница,
гулкая и нетрезвая...
Может быть, света лезвием
двери во тьме прорезаны?

Может, в пустынной комнате,
где тебя долго не было,
что-нибудь незнакомое?
Сдвинуто что из мебели?

Может, картинки разные —
надо найти отличия?..
Средство, конечно, разовое,
впрочем, ты сам отлично

знаешь об этом... Разницы
нет, как и облегчения.
Выход? Не знаю... Разве что
в тени скользнуть вечерние.

ЗАДАЧА

Уверовав в могущество
знака,
звезду в ночи и прах земной
мы рады
именовать по-разному... Однако
у них – одноимённые заряды!

Картинно вздуты бицепсы тугие
у тех, кто их разводит
меж собою, –
так циркачи, кряхтя, пустые гири
выходят выжимать над головой!

Не надо подражать кариатиде,
что держит небо,
чтобы не упало!
Изображать усилие? Прекратите,
к земле прижмите,
чтоб не улетало!

Поэт – канат меж звездами
и прахом.
Стянуть их вместе –
цель его искусства.
Дрожат канаты...
Думаю со страхом:
что будет с нами,
если перетрутся?

Какая доля –
собственной спиною
хрустя, без ожидания награды,
натягиваясь скорбною струною,
сводит одноимённые заряды!

* * *

Это было б дождём –
если б не было снегом.
Он беззвучно рождён
нашим пасмурным небом.

Он летит с высоты –
и ложится под ноги.
Станут снова чисты
города и дороги.

Начинай, снегопад! –
час решающий пробил –
с обнуления дат,
обеления кровель.

...Возвращаемся вспять,
к зыбким сваям причала,
ибо завтра опять
всё начнётся сначала.

Вновь среди белизны
лягут чёрные строчки –
ибо нет у весны
ни числа, ни отсрочки.

* * *

Окно открыто в дождь.
Черно лоснятся листья.
Конечно, я его забуду... Но пока
дождю еще не час,
шурша сонливо, литься –
недаром день-деньской
томились облака.

Окно открыто в дождь.
Четыре тихих слова.
А я ищу других,
не в шепот чтобы – в крик!
Но, может, напишу спустя
полжизни снова:
«Окно открыто в дождь».
И – выключу ночник.

ПРОСЁЛОК

Сегодня – солнце.
Золотом пылинком
пронизан терпкий воздух
и согрет.
Но кое-где сырой ещё суглинок
послушно отпечатывает след.

Тень под ногами –
чёрная на жёлтом.
Молчит земля,
вобрав вчерашний дождь.
Но позади – ты только что
прошёл там –
сочится влага в лунки от подошв.

И это – взгляд.
Так смотрит невидимка.
Что знает эта зрячая вода?
Земля молчит. Над нею,
словно дымка,
сгущается безмолвное: «когда?».

СПАСИБО

Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва

В ДЕЛАХ «СЕРДЕШНЫХ» ПО ВЕСНЕ

В делах «сердешных» по весне
Известно много осложнений:
От мыслей - головокружений,
Ночей бессонных в тишине.

Хоть календарная весна
Совсем не радуется погодой,
Мы ей простим сии невзгоды –
Нас много, а она одна.

В реанимации сестра
Так ловко капельницы ладит
И что-то чиркает в тетради,
Глаз не смыкая до утра.

А за окном то снег, то смог.
Суцевский Вал сиреной глушит,
И наши скомканые души
Теряют почву из-под ног.

Отсутствует одна стена.
В пределах этих декораций
Никем не нужно притворяться.
(Вся правда так оголена...)

И этот inferнальный свет...
Все ближе, ближе вой сирены...
Не властен ты уйти со сцены.
Лежишь себе, и дела нет.

Вердикт выносят доктора
О том, что ты не знал вчера.
Вот, что тебя лишало сна:

У Вас пожизненный диагноз,
У Вас теперь всегда – весна.

ДОЖДЬ ЗАНАВЕСИТ ОКНО

Дождь занавесит окно
От равнодушных глаз.
То, что нам суждено,
Да не минует нас.

Всё не обойдет,
Не перепутает дверь.
Горечь наших забот.
Сладость наших потерь.

Лаской земных щедрот
Дарует, не пощадив.
Каждому свой полет.
Каждому свой мотив.

Я ХОТЕЛА ПИСАТЬ О ВЕСНЕ

Я хотела писать о весне,
Небесах, что полны перламутра,
Воробьях, что кричат
во дворе...
Не спеша подбирала слова.

Но пока мы живем на войне
И взрывается светлое утро
Цветом крови, мне плач матерей
Слышен громче всего
в этом мире,
покуда жива...

ОТПУСТИ МЕНЯ, МОЙ МИЛЫЙ

Отпусти меня, мой милый,
На четыре стороны.
Мои песни, мои речи
Тебе больше не нужны.

Мои глазки, мои ласки
Не нужны тебе совсем.
Что ты сделал, мой хороший,
Приручил меня зачем?

Не жалею меня, довольно,
Все равно уж погубил.
А самой проститься первой
Недостанет сил...

ПОКА ЛАСКАЕТ ЩЕКУ ОСЕННЯЯ ПРОХЛАДА

Пока ласкает щеку
осенняя прохлада,
Пока шуршаньем листьев
озвучены дворы...
От суеты московской
сверну в аллею сада,
Где звонкий птичий щебет
беспечной детворы
Напитывает воздух
прозрачный, горьковатый.
Я пью его, смакуя,
как терпкое вино,
И взглядом провожаю
те облака из ваты,

Что длятся-длятся, словно
в замедленном кино.
Еще не опоздала
украсть себя у буден.
Последним днем октябрьским
наполнится душа.
А нужно так немного,
и путь совсем нетруден:
Пройти аллеей сада,
и только – не спеша.

Я В ТАМБУРЕ ОСЕННЕЙ ЭЛЕКТРИЧКИ

Я в тамбуре осенней электрички
Глотаю терпкий дым ночных
костров.
Летят навстречу дачных мест
таблички,
Мелькая, как обрывки
детских снов.

Я столько пропустила, не заметив,
И сколько пропущу, чтобы потом
Какой-нибудь другой
осенний ветер
Меня заставил грустить о том

Несбывшемся, утерянном,
прошедшем,
Что не вернуть и не восстановить.
Ну а пока – дуть ветру,
рельсам виться,
мне спешить...

* * *

Спасибо за то, что словами
не нежил,
И этим позволил мне
сильной остаться.
За то, что сегодня встречаемся
реже,
А завтра и вовсе не будем
встречаться.
Спасибо, что рядом
больными ночами
Ты не был, отозван заботой
другой.
За все, что я помню губами,
плечами...
За то, что не станешь моею
судьбою,
СПАСИБО...

НЕЖНОСТЬ

Владимир СПАСИБЕНКО,
г. Большой Камень Приморского края

Владимир Сергеевич родился в г. Владивостоке. Окончил Саратовское военное училище МВД СССР им. Ф.Э.Дзержинского, служил во Внутренних войсках МВД. В настоящее время военный пенсионер.

Стихи пишет с детства, но серьёзно стал заниматься поэзией совсем недавно.

РАСКАЯНИЕ

Я забывал тебя благодарить
за ласку, нежность, доброту,
заботу,
за скучную домашнюю работу...
Рвалась любви
связующая нить...
Я забывал тебя благодарить...

Я забывал тебя благодарить
за кротость и совместное
молчанье,
за долгое с работы ожиданье...
Рвалась любви
связующая нить...
Я забывал тебя благодарить....

Я забывал тебя благодарить
за то, что просто есть
на белом свете
с тобой рождённые,
ухоженные дети...
Рвалась любви
связующая нить...
Я забывал тебя благодарить...

Я забывал тебя благодарить
за то, что ты любила беззаветно,
так тихо и тепло,
так безответно...
Я забывал тебя благодарить...
Разорвалась связующая нить...

НЕЖНОСТЬ...

Я утром подарю тебе цветы.
И в волосах соорудив
девчачий хвостик,
«Мальчишка!» –
скажешь ласково мне ты, –
пойдём сегодня к нашим детям
в гости?»

И купим мы с тобою
вкусный торт,
шампанского и сладостей

по паре...
Нас к детям поведёт
любви эскорт!
И я там поиграю на гитаре...
В глаза мне взглянешь,
радостью светясь,
погладишь по щеке меня
ладонью...
«Мальчишка!» – скажешь
нежно и смеясь.
И белый свет в твоих глазах
утонет...

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Дождями расклёван
шершавый асфальт,
бемолями булькают капли
по лужам.
Поёт ветерок,
как мальчишеский альти,
и листья осенние кружат
и кружат!..

В размётанных тучках
покажется синь
и выкатит гостем
оранжево-жёлтым
большущее, спелое,
как апельсин,
Величество Солнце
над аэропортом!

В тиши серебристыми павами
ввысь
беззвучно плывут самолёты,
взлетая...
И вдруг растворяются там,
словно жизнь, –
чужая, красивая и непростая...

А ты всё идёшь и идёшь
на рассвет,
на самом-то деле, шагая к закату,
за солнцем, дождями и осенью
вслед,
презрев сожаленья, обиды,
утраты...

И только едва ли заметная грусть
скользнёт по лицу
убегающей тенью
и вырвется шёпот
чуть слышный из уст,
невнятный и грустный,
как шорох осенний...

ТРЕВОЖНЫЙ СОН

В моей квартире старенькая
мебель...
опять из крана капает вода...
И фикуса большого жухлый
стебель
такой же грустно-жёлтый,
как тогда...

Всё так же, плача,
дождик лет стекает
по стёклам окон
в гулкий мрак ночи.
и Ла Кримозу радио играет,
и тень дрожит от пламени
свечи.

...Моя Любовь
выходит в чёрном платье,
за занавеской мир оставив свой,
неся в руках ажурный крест
с распятем...
и взгляд пустой,
бесстрастно-неживой.

Душа в комочек маленький
свернулась,
сдавила горло так,
что не вскричать!
И в тот же миг испуганно
очнулась,
не в силах
свой тревожный стон унять.

...Проснулся –
та же старенькая мебель,
из крана так же капает вода,
и на ковре лежит
пожухший стебель
такой же грустно-жёлтый,
как тогда...

ВСЕ МЫ ЛЮДИ...

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

НА МАНЕВРАХ – I

Озимым холодком повеяло
со стрельбищ.
И ныла тишина у леса
между пальцев.

Утробою дождей обсасывая
камни,
над нами моросила
брезентовая осень.

Дороги – земноводны.
Оглохшие стрекозы
беспомощно хлопочут
у выжженных обочин,

где, охлаждая дизель,
зимуют черепахи,
разумно озираясь
на вымерших оленей.

Передовые спят,
не сняв противогазов.
И в паровозных топках
оцепенели звёзды.

И дух речной воды
на краешек колодца
присаживается и зажигает
трубку...

НА МАНЕВРАХ – II

Когда у неба виски ломило –
камни всплывали,
дышали рыбы;
сваи переплелись, как стебли;
некому было распутать сети.

Торпедоловы зажгли огни.
Море не знало, что мы – одни.

На берегу заревут моторы...
Чьим языком меловые горы
с нами как с равными говорят?

У вертолётов глаза горят.

Над горизонтом растает
выхлоп...
Под бензобаком полно листвы.
Дизеля на время затихли –
вымпелы ропщут,
ржавеют швы;
море гниёт у раскрытых люков,
бродят сирены, полные звуков,
спирт зажигают во мгле кают,
спать не дают –
о доме поют.

Лучше бы вовсе не знать о доме!
Нефтехранилища жгут в содоме:
тело истлело,
фляги пусты,
тяжело покачнулся бакен;
волны лижутся, как собаки...

А Господь, обходя посты,
не заметил, как после смерти
мы – не ангелы и не черти –
по песку волокли паром
и рубили соль топором.

* * *

Если б я мог укрощать деревья
или заняничать крик птицы –
я не тревожил бы соль земную:
к морю текут соляные реки.

Я бы тогда подарил сыну
красную звёздочку на ушанку,
я бы ушел далеко на Север
вместе с веселым медведем
Умкой.

И кочевали бы дни, как льдины,
не обжигаясь о рыбы спины,
а по весне б зацветала тундра,
чуть накрываясь
навстречу солнцу.

Я бы вернулся к родному дому –
не узнал бы своей могилы...

Только б мерцала над лесосекой
тёплая звёздочка чуть живая,

лишь бы еще уцелели кедрь,
с рёвом сосущие соль земную...

РОДНЯ

Своенравна Родина моя.
Беспокойней взор её с годами.
Облака плывут над городами.
Там живёт счастливая родня.

Та родня, которой нет спасенья
от мирской и прочей суеты,
для которой даже в воскресенье
небеса высокие пусты.

Та родня, счастливая обновой,
и не вспомнит, как, сбиваясь с ног,
в окнах, занавешенных понёвой,
тлеет керосинный огонёк.

...Рокот грязи огласит окрестность!
Воды заливают колею.
Хор в сопровождении оркестра
прославляет Родину мою.

Сколько нужно доблести и муки,
чтобы этот хор перекричать!
Чтобы, не заламывая руки,
снова на вопросы отвечать:

«Все мы люди, если и не братья!»
Чтоб в глухом мерцании светил,
простирая крылья для объятья,
тихий ангел душу посетил...

Братие! Не вечное ли сеем?
Иль слабеет память на бегу?
Что ж мы головы поднять не смеем
и рядимся, словно на торгу?!

Но, тугую заведя пружину,
отвечает мудрая родня:
«Из ушка тебе сережку выну –
если ты пожалуешь меня!»

...Облака стоят – как на параде.
Прошлое уносится вперёд.
Посреди равнины – Бога ради! –
трактор опрокинутый ревьёт;

свищет, словно пулею пробитый,
дизель, почерневший от огня...
Будем жить! С заоблачной орбиты
не заметит этого родня.

БЕСКОЗЫРКА

Алла МАЧТАКОВА,
г. Ангарск Иркутской области

По дороге домой у Мишки было прекрасное настроение: наконец-то они победили в футбол «бэшек» и за день в школе у него не случилось никакого «ЧП», как говорит мама. Это значит, что он никому «ножку нечаянно» не подставил, не отвлекался на воробьёв за окном (кстати, почему они сегодня не прилетали?), терпеливо сидел, не подскакивая, почти до конца каждого урока, почти не подсказывая тому, кто маялся у доски. В общем, день как день, только скучный. Но это не потому, что у него внутри какая-то пружинка заржавела или моторчик сломался. Просто он думал, потому что на первом уроке Вера Ивановна сказала: «Завтра смотр инсценированной песни к празднику 9 Мая. Вашему классу поручено инсценировать, то есть изобразить песню в действии. Песня называется «Бескозырка белая». Для выступления надо выучить слова и сделать всем одинаковую форму. К сожалению, я узнала об этом только сегодня. Времени, конечно, мало, но...»

И Вера Ивановна смешно подняла плечи и развела руками, что, видно, означало: «Ничего не поделаешь – надо подчиняться».

Вера Ивановна говорила «ваш класс», потому что вела их первый «А» всего одну последнюю неделю. Ведь неделю назад их молоденькая Ольга Николаевна «ушла в декрет». Так Мишкина мама сказала бабушке за ужином, сообщая ей эту «печальную» для первого «А», но «радостную для Олечки» новость. Мишка не знал, куда «уходят в декрет», но когда Колька-рыжий сказал мальчишкам, что «классная» хочет себе ребёнка родить, то вспомнил, что последнее время Ольга Николаевна ходила неспеша, чуть вразвалочку, сшила себе большое платье, как у Аллы Пугачёвой.

Иногда, во время объяснения урока, вдруг замолкала, клала руку себе куда-то на живот и улыбалась. И становилась такая красивая... Значит, кто хочет себе ребёночка родить, становится толстым и красивым. И уходит в декрет. Правда, это могут только женщины. Так Витька-зуб сказал (у него не было двух передних зубов). А мужчины здесь ни при чём. То есть «при чём», Витька что-то рассказывал про это шёпотом, и мальчишки хихикали как-то... Но Мишка в это время не слушал их, а думал: «А моя мама тоже такая толстая и красивая была, когда меня хотела родить? И тоже куда-то в декрет ходила? И как это «родить ребёнка»? Надо бы у мамы спросить или у бабушки». У Витьки спрашивать почему-то не хотелось.

И вот теперь их «классная» – Вера Ивановна. Её попросили заменить Ольгу Николаевну. Конечно, Вера

Ивановна тоже толстая, но это потому, что она уже на пенсии, как и Мишкина бабушка. А «кто на пенсии, тот мало двигается и много ест, потому и полнеет». Так Мишкина бабушка говорит. Но Вера Ивановна «ушла с пенсии в школу. Двигается много, шумно и всё время руками размахивает. Жалко, Вера Ивановна будет вести первый «А» только до конца года. А времени до конца осталось совсем мало, так что Мишке не удастся увидеть, похудеет ли Вера Ивановна от размахивания руками. Зато конец учебного года обещает весёлое долгое лето, а перед этим ещё и Первомайские праздники – яркие, радостные, когда можно бегать на стадион, смотреть, как репетируют праздничные выступления солдаты. А 1 Мая, держась за мамину руку, пройти с «её больницей» через весь город в колонне, украшенной большими бумажными цветами, разноцветными шарами, рядом с весёлыми, улыбающимися людьми, которые громко, не стесняясь, поют под баян, пляшут прямо на улице и все вместе смеются. И Мише очень нравилось, что маму все знают, называют по имени-отчеству, поздравляют с праздником и все говорят: «А сын-то как за год вырос». Ведь встречаются они уже целых четыре года 1 Мая на демонстрации. И в этом году они тоже обязательно пойдут на праздник вместе, а потом будут дома пить чай с бабушкиными пирогами и есть мороженое.

Пока всё это Мишка обдумывал, Вера Ивановна, видимо, объясняла всему классу что-то, но Мишка услышал только: «...а бескозырки сшить попросите своих мам. Обязательно, к завтрашнему дню. Чтобы мы были в форме. Надеюсь, у каждого в доме найдётся кусок белой ткани и синие ленточки». Потом она взяла кусочек мела и стала писать на доске слова песни, а ребята, приготовив листочки, записывать в них: «Бескозырка белая, в полоску воротник...» Мишка писать не стал. Во-первых, он знал слова песни, потому что по радио её не раз пели, она ему нравилась, и он быстро запомнил слова. А во-вторых, на его парту упал комочек бумаги – записка. В ней Витька и Колька по очереди написали: «После уроков играем. «Бэшек» надо сделать».

После уроков Мишка с мальчишками долго играли в футбол на стадионе за школой. В его ворота «бэшки» забили три гола, но атак было так много, что, отбивая мячи, Мишка разбил коленку, ударился локтем о штангу, испачкал новую футболку. И так есть захотел, что в животе у него заурчало. Но в ворота «противника» было забито пять мячей, и после игры пацаны ему жали по очереди руку, а девчонки, кото-

рые тут же «болели», издали корчили рожицы, то есть «строили глазки».

С хорошим настроением, довольный Мишка, придя домой, перекусил молоком с булкой, т.к. бабушка ушла к соседке «по надобности». Быстро сделал письменные уроки, потому что мама обязательно проверит их готовность, даже если придёт с работы очень уставшая. Она у Мишки врач, детский, «бегает» по участку, больных ребятишек лечит. Больных много, поэтому мама приходит поздно, а потом ещё и карточки «заполняет» за полночь.

Вот и сегодня мама пришла даже позже обычного: «Стояла в очереди за колбасой полукопчёной да шоколадными конфетами – выбросили». Если не взять сейчас, то перед праздниками и в очередях может недостаться». Она разогрела ужин, накормила «домочадцев» и уже села было за карточки, как Мишка вспомнил про бескозырку. Мама рассердилась, что он говорит ей об этом почти ночью, что ей долго придётся заниматься шитьём, а карточки как же? Но, услышав, что Вера Ивановна задание дала им только сегодня, что все мамы будут шить бескозырки мальчикам, а у кого девочки, те будут шить воротники, вздохнув, отложила карточки. Мишка долго следил за тем, как мама искала нужный кусок материала, как раскладывала его на столе, закалывала булавками, раскраивала, предварительно измерив его голову вокруг. А потом стала всё сшивать «на руках», так как на машинке нельзя уже было строчить: позднее время, бабушка спать легла. Сестра на кухне закончила делать уроки, и мама взяла у неё настольную лампу, чтобы Мишке верхний свет не мешал. И, открывая несколько раз глаза, сын видел склонённую над столом мамину голову и взлетающую в её руке иголку с ниткой. А потом увидел себя на футбольном поле, но только почему-то не мог бежать: ногами перебирал, а с места не двигался. И очень огорчился, что все мячи забьют в ворота «бэшников» без него. Потом кто-то приподнял его голову, что-то надел на неё и сказал маминим голосом: «Ну вот и ладно».

Утром, когда Мишка проснулся, мамы уже не было, сестра ушла в школу в первую смену, а бабушка собралась на базар. Но заставила Мишку «на её глазах» позавтракать, наказала доделать уроки и показала готовую бескозырку. Ворчала: «Мать до трёх часов ночи шила, не спавши, карточки дописывала, убежала на работу не позавтракав... Но получилась настоящая матросская шапка». Бережно завернула «вещь» в газету, наказала в сумку не «запихивать», чтобы не помялась. Мишка почти на вытянутой руке нёс свёрток до школы, благо книжки в ранце на спине лежали. Но всё равно пока шёл до школы, рука затекла и лоб взмок под фуражкой. В классе он положил свёрток в парту и стал ждать последнего урока, после которого будет смотреть песни и формы. Но уроки тянулись и тянулись, и он забыл спросить других ребят про бескозырки.

Когда наконец прозвенел звонок с последнего урока, в класс зашла Вера Ивановна и попросила всех достать бескозырки и воротники. Мишка тут же развер-

нул газету, надел бескозырку и с гордостью оглянулся на других. Но в классе оказалось всего несколько воротников и три бескозырки. А остальные мальчики и девочки сидели, опустив голову, и ждали, что скажет учительница. После долгого молчания Вера Ивановна громко вздохнула: Ох уж мне этот первый «А»... Ну что же, пойдёте без головных уборов. Не можем же мы так, чтобы у одних были, а у других нет». И мальчишки стащили с головы бескозырку. Девочки пискнули: «А нам как?» «Как-как – тоже снимайте. Позорище! Как я отчитываться буду? Стройтесь живо у доски, пойдём в спортзал». Все бросились, толкаясь, к доске, вытесняя друг друга из нестройного ряда, зашумели. Вера Ивановна пыталась навести порядок – махала руками, подталкивала, переставляла, шумела тоже и не заметила, что Мишка остался сидеть за партой, не снимая бескозырку и не торопясь в строй. «А ты что сидишь? Становись быстрее! Опоздаем из-за тебя». – «А я пойду только в бескозырке. Или в ней, или совсем не пойду». – «Что ты выступаешь? Ещё не хватало, чтобы неполный класс был. Становись, кому говорю! А бескозырку оставь на парте». – «Нет, я только в бескозырке. Мама её всю ночь шила, не выспавшись, без завтрака на работу ушла... А я – оставь на парте, да?!» Лицо Веры Ивановны покраснело, она надула щёки, хотела что-то грозное сказать. Но вдруг как-то сникла, махнула рукой и сказала: «Ладно, оставайся тут, присматривай. А мы пойдём». Класс вывалился в коридор, шумно протопал в сторону спортивного зала, и всё затихло. На Мишку вдруг обрушилась тишина и стало даже чуточку жутко. Ведь никогда ещё он один в школе в такой тишине не оставался. Мишка вздохнул, снял бескозырку, долго вертел её в руках. Подумал – какая она красивая и как бы ловко она сидела у него на голове, и как бы гордо он прошёл по спортзалу в бескозырке, сделанной маминими руками. И почему-то вдруг у него защекотало в носу, стало неловко дышать и захотелось плакать. Но он сдержался, шмыгнул на всякий случай носом, завернул бескозырку в ту же газету из дома, надел ранец. Куртку он возьмёт в раздевалке. принесёт бескозырку домой, наденет, пойдёт гордо перед бабушкой, сестрой и мамой, громко споёт им «Бескозырка белая... Ведь слова-то он знает давно. А о том, что произошло на самом деле, он дома не расскажет – зачем же расстраивать всех, а особенно маму. Она же очень старалась, и бескозырка получилась такая красивая...

Но мама узнала обо всём раньше, чем Мишка «сделал дома концерт» – ей на работу позвонила Вера Ивановна и всё рассказала. Мама хотела извиниться за сына, но вдруг услышала в трубке усталый голос Веры Ивановны: «А вы знаете, я вам даже позавидовала, что сын вас так любит. Не говорите ему, что я звонила и не ругайте».

А Мишка, маршируя вокруг стола в замечательной бескозырке, громко, с упоением пел под аплодисменты своих родных: «Ленты за плечами, как флаги за кормой, смело отвечает...» И удивлялся, почему мама улыбается, а глаза у неё «на мокром месте».

ЧЕЛОВЕК ПЛАНЕТЫ...

Анна ДУБКОВА,
г. Арсеньев

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьей Анны Дубковой мы открываем ряд публикаций, посвященных талантливому журналисту, человеку доброй души, радевшему за справедливость – Михаилу Довженко.

Михаил Михайлович с группой единомышленников стоял у истоков литературного ежемесячника «Лукоморье», работал во многих приморских городских, областных и краевых газетах: «Новатор», «Северное Приморье», «Утро России» и др.

Его нет с нами уже несколько лет. Но немало людей помнят о М. Довженко и готовы поделиться светлой грустью утраты с читателями.

Его короткая жизнь сравнима с быстро погасшим сполохом на небосклоне...

Рассказ о Михаиле Михайловиче Довженко, члене Союза журналистов России, соборе газеты «Утро России» и редакторе газеты «Северное Приморье» начнём со слов его коллеги из газеты «Новатор»: «Несколько флегматичный на вид, он выносил на наш суд одну идею за другой, сам лез в такие дебри заводского производства и человеческих отношений, что не заразиться этим было просто невозможно. Поддерживал нас при неудачах, мудро гасил внутриредакционные конфликты, которые никогда не возникали на почве личных обид, а были результатом именно издержек творческого поиска журналистов».

Среди пишущей братии М. Довженко выделялся особо. Его перу были подвластны любые жанры, темы. Каждую он буквально проживал. Скажем больше. Если другой поведёт плечами, мол, не моё это, он мог тут же заинтересоваться и подсказать сомневающемуся «входы и выходы».

Перестройку Михаил Михайлович воспринял как новое веяние времени, но не ринулся в шквал критики, ко всему старался подойти взвешенно.

Мы, журналисты, понимали: назад не повернуть, в обществе идут необратимые процессы. И хотя ещё раздавались окрики «не обсуждать», «вопросов не задавать», Михаил Довженко не искал готовых решений, а шёл в гущу народа, разговаривал с людьми, поднимал острые темы, выносил на суд

читателей поведение чиновников любого ранга.

«Стань иным», – этот постулат красной нитью проходил через все публикации Михаила. Этот же постулат Довженко вынес в заголовок материала, побывав в п. Горные Ключи, где возрождался монастырь. Чуткая была душа у Миши, скажем ласково о нём. После возвращения из поездки в монастырь он рассказывал, как поразили его руки хористов: «Широкие, лопатообразные кисти, с толстыми, крепкими пальцами... Руки, закалённые тяжёлым ежедневным трудом...»

Впечатлившись увиденным в монастыре, в своей статье Михаил приводит слова великого писателя и человека Антуана Экзюпери: «...Кто добивается лишь материального благополучия, тот пожинает плоды, ради которых не стоит жить». Михаил знал, ради чего живёт. Он никогда не искал выгод, не пресмыкался ни перед кем, не старался угодить кому-то или опорочить кого-то в угоду власти придерживающим. Он был самим собой, имел на всё собственное мнение.

В советское время, работая во многих газетах (а подлинно творческий человек всегда ищет новизну), Довженко не скучал, не давал скучать и другим. По любому поводу находил нужные слова, производил их с юмором, порой едко. И это было здорово.

Скажем прямо, не у каждого журналиста хватило бы смелости взяться за щекотливую тему о сицилисе. А М. Довженко взялся. И преподнёс её под ярким заголовком «Айсберг-убийца». А в самой

М. Довженко

статье расставил все точки над «і» – откуда такой наплыв больных и что нужно сделать, чтобы остановить распространение болезни.

Сейчас с экранов телевизоров нас нередко призывают помнить о конституционных правах потребителей. Довженко говорил об этом уже в 2000 году. «Ну нету света!» – кричал заголовок одной из его статей. Не пропустишь, прочитаешь. Михаил, обращаясь к читателям, взывал: «Пишите в редакцию... Вместе – мы сила. И сможем убедить депутатов защитить нас...»

Писал Михаил и о защите уссурийского тигра, эта тема остаётся актуальной и сегодня. Не проходил мимо проблем сельского хозяйства. На страницах еженедельника «Северное Приморье» приводил доказательства преимуществ приморской технологии земледелия, разработанной учёным Анатолием Егорченковым. Свои статьи Михаил Михайлович нередко сопровождал собственными профессиональными фотографиями.

М. Довженко любил людей, всегда писал, вкладывая в слова частичку своего сердца. В журналистских материалах он всегда старался защитить слабых и несправедливо обиженных.

Особое отношение было у Михаила Михайловича к коллективу завода «Прогресс». В статьях о буднях авиапредприятия Довженко ярко заявлял о себе как о самобытном мастере слова. Живое движение станка чувствовалось, когда он рассказывал об умельце-станочнике, вдумчивость, одухотворённость – в человеке, стоящем за инженерным пультом. Он первым доносил до читателя сообщение о выпуске новой винтокрылой машины на предприятии-гиганте. Таким статьям Довженко были рады многие краевые газеты.

Некоторые считали Мишу демагогом, спорщиком. Он не обижался, у него была своя территория, на которую он пускал не каждого. И это тоже было одним из его достоинств. Люди, близко знавшим

М.М. Довженко, понимали, что в спорах он хотел поделиться своими знаниями с другими людьми.

Каждого из нас он призывал быть «...личностью, способной приподняться над бренностью жизни, и считать себя по-настоящему счастливым лишь тогда, когда окружающие тебя люди, страна, мир по-настоящему счастливы», призывал быть человеком планеты, Вселенной.

Подъезд дома, в котором жил М.М. Довженко до отъезда из г. Арсеньева (фото В. Костылева)

С БОЖИЕЙ ПОМОЩЬЮ

Высокопреосвященный Вениамин, архиепископ Владивостокский и Приморский, принял у себя в епархии члена общественного совета «Литературного меридиана» Владимира Тыцких. В беседе участвовал клирик Храма во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при Владивостокской православной гимназии отец Андрей, неизменный участник Дней славянской письменности и культуры, семь лет проводимых на Дальнем Востоке, к которым наше издание, многие его авторы и читатели имеют самое непосредственное отношение.

Среди множества вопросов, обсуждавшихся на встрече, главными были два: предстоящий в нынешнем году VIII автопробег, посвящённый Солунским братьям-просветителям славянства и авторам нашей азбуки, а также идея создания на дальневосточной земле России священного Холма памяти и единства русского народа и Креста прощения и объединения – аналога Холму и Кресту, установленным в 2007 году на псковской земле недалеко от древнего Изборска.

Владыка Вениамин принял сообщение о прошлогоднем Празднике культуры и письменности, среди учредителей которого с начала его проведения находится и Владивостокская епархия Русской православной церкви. Владыка подтвердил своё согласие вновь стать почётным председателем оргкомитета автопробега, который в народе часто называют крестным ходом на колёсах.

По итогам праздника участницей автопробега 2010 года Эльвирой Кочетковой написана книга «От сердца к сердцу», вступление к книге принадлежит перу владыки Вениамина. Новое издание будет отпечатано к старту очередного пробега в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского. На встрече были определены сроки проведения пробега и маршруты, по которым он пройдёт.

Высокопреосвященным Вениамином поддержана идея возведения на нашей земле священного Холма и Креста.

Об этом проекте «Литературный меридиан» писал в первом номере текущего года (материал «Сим победим», опубликованный также в газете «Завтра», в журнале «Переправа» и на нескольких сайтах в Интернете).

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЛИМП»: ПОБЕДИТЕЛЬ СРЕДИ НАС

«Паруса» могут гордиться успехами активно посещающей студию читательницы и автора «Литературного меридиана» Елены Супрановой. Она стала лауреатом Международного конкурса «Литературный олимп-2010» в номинации «Проза». Организаторами конкурса являются: «Лига писателей Евразии» совместно с Московской городской организацией

Союза писателей России, Московской областной организацией Союза писателей России, Союзом писателей-переводчиков, Военно-художественной студией писателей, Союзом писателей баталистов-маринистов, Фондом «Фестиваля детского и юношеского литературного творчества "Подсолнушек"» и Литературным фондом Московской области.

Одной из целей конкурса наряду с поиском талантов устроители преследовали возрождение и приумножение традиций русского меценатства в области литературы и культуры. Поздравляем Елену Супранову и желаем ей творческих успехов.

СВЕЖИЙ НОМЕР

«ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА»

В РУКАХ ВЛАДИВОСТОКСКИХ

ПОДПИСЧИКОВ

В Русском географическом обществе (Обществе изучения Амурского края) состоялось первое в этом году заседание литературной студии «Паруса», большинство участников которой являются авторами и подписчиками «Литературного меридиана». На заседании обсудили поэтическое творчество студентки ДВФУ Светланы Петровичевой и студента Владивостокского судостроительного техникума Константина Мордовцева.

Членом редакционной коллегии «Литературного меридиана» Эльвирой Кочетковой были представлены первый и второй номера издания. Собравшиеся обратили внимание на творческое отношение издателей к форме ежемесячника, к улучшению полиграфии обложки. Сегодняшнее художественное решение формы привело к тому, что отдельные читатели «Лит-меридиана» стали называть его журналом. Не остался без внимания и высокий уровень публикаций. Порадовало присутствие на страницах слова Евгения Весника, Валентина Распутина, Лидии Сычёвой. Отмечена и поэтическая подборка номеров. Ирония Валерия Кулешова на этих страницах к началу весны пришлась по душе.

Ветеран студии Владислав Гусаров получил от собравшихся поздравления за третье место в литературном конкурсе «Шумит волна, звенит струна» в номинации «Проза». Александре Поздняковой передали призовой номер «Литературного меридиана» для вручения её владивостокской ученице, победившей в конкурсе «Учитель – человек года».

Здесь же прошла презентация очередного (восьмого) номера дальневосточного журнала «Сихотэ-Алинь». Член общественного совета журнала поэт Иван Шепета отметил высокий литературный уровень этого и предыдущего номеров. Особое внимание обращено на публикации Валентина Курбатова, Сергея Миронова, а также владивостокцев Владими-

ра Гаманова и Владимира Старовойтова. Было отмечено высокое качество оформления обложки. С добрым словом к собравшимся обратился её автор – художник Джон Кудрявцев.

В литературных дискуссиях приняли участие Валерий Кулешов, Вячеслав Протасов, Владислав Гусаров, Дмитрий Барабаш и др.

Завершилось заседание просмотром фильма Валентина Курбатова «Сим победиши», рассказывающего о возведении в Псковской области Холма памяти и единства русской земли и Креста прощения и объединения русского народа (этой теме посвящена публикация одноимённого материала в первом номере «Литературного меридиана» за 2011 год). По окончании просмотра обсуждалась возможность создания подобного памятника на дальневосточной земле – во Владивостоке на острове Русском. Все единодушно поддержали эту идею.

НАШИ «СУВОРОВЦЫ»

Без малого десять лет существует Всероссийская литературная премия имени генералиссимуса А.В. Суворова. Премия эта необычная, она вручается не только писателям, но и работникам культуры, общественным деятелям, представителям разных видов искусства, внёсшим заметный вклад в военно-патриотическое воспитание соотечественников. В числе первых лауреатов премии – кинорежиссёр, сценарист, разносторонне одарённый человек – Станислав Говорухин, литературный критик Олег Михайлов, прозаик, издатель, политический деятель Александр Проханов, народная артистка России Лариса Голубкина, заслуженный артист России Леонид Шумский, дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт Геннадий Стрекалов и другие выдающиеся, известные в России люди.

Есть лауреаты премии имени генералиссимуса Суворова и в Приморском крае. Первым из наших земляков получил эту награду в 2009 году поэт и переводчик Вячеслав Протасов. В прошлом году медаль и диплом лауреата были вручены Владимиру Тыцких – за цикл книг военно-патриотической тематики.

«Литературному меридиану», всем его сотрудникам, авторам и читателям можно гордиться: оба приморских «суворовца» не только регулярно публикуются на страницах выходящего в Арсеньеве ежемесячника, но и входят в состав общественного совета издания, много делают для его развития и популяризации среди литераторов и любителей высокохудожественной русской литературы.

ПЕРВЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

В январском номере мы объявили о начале сбора средств на возведение Холма и Креста примирения. Первыми откликнулись Лариса Белякова из г. Лучегорска, Ирина Банкрашкова и Геннадий Богданов из г. Хабаровска, Сергей Назаренко и Владимир Костылев (г. Арсеньев).

Желающие помочь могут высылать средства почтовым переводом на имя главного редактора по адресу «Литературного меридиана» с обязательной пометкой: **«На возведение Холма и Креста примирения».**

ВОЛЬНЫЙ ЛИСТ

Современный журнал независимой литературы «Вольный лист» был создан в конце 2008 года группой молодых омских энтузиастов, учащихся ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. В настоящее время в редколлегию входят прозаик Виктор Власов, прозаик и поэт Игорь Федоровский, в редакционный совет – известные российские писатели Николай Березовский и Александр Плетнёв, известный омский поэт и прозаик Виктор Богданов, ответственный секретарь литературного журнала «День и ночь» Михаил Стрельцов (Красноярск) и, конечно, молодёжь. Выходит «Вольный лист» в Омске, но распространяется в разных городах России, а также ближнего зарубежья. Среди наших авторов – писатели из Минска, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Раменского, Тулы, Красноярска, Кемерово, Иркутска, Челябинска.

В «Вольный лист» принимаются стихотворения, рассказы, рисунки, эссе, литературно-критические работы, аналитические журналистские корреспонденции, научные статьи (философия, теория и история литературы, материалы о кинотексте). Ждём и театральной критики. В «Вольном листе» печатаются произведения как классических жанров (реалистический рассказ), так и экзотических (меха).

В чём своеобразие издания? Несколько слов о нашей эстетической программе. Мы стремимся выбирать объективно лучшее. «Вольный лист» нацелен на создание объективной, то есть не зависящей от индивидуальной и коллективных вкусов эстетики.

Несколько слов о нашей литературной политике. У нас печатаются и уже известные авторы, но больше внимания мы уделяем новым именам.

Материалы присылайте по адресу:
yanataranchek@yandex.ru

Иван Таран (главный редактор)

НЕ ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ, НЕ ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА... КТО ЖЕ ВЫ, ДЕТИ ВОЙНЫ?

Анна ЧЕШУИНА,
г. Владивосток

Тридцатые годы прошлого века – суровое, неспокойное время. Голод, холод; доносы, поиск врагов народа, репрессии. Таня Пыко, самая младшая в семье, родилась в 1936 году и, конечно же, не могла ничего знать о том, как бесследно исчезают люди, без родителей остаются дети.

25 июня 1941 года ей исполнилось пять лет. Запомнила Таня лишь то, как мужчины уходили на фронт и

время Всероссийской переписи населения 2010 года. Она по жизни боец, с того самого дня, когда в четырнадцатилетнем возрасте осталась круглой сиротой – все родственники погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

В 16 лет начала работать. Так и трудилась 40 десятилетий, как позже стало известно, не на своё благо, а на благо Страны Советов. И нисколько об этом не

жалеет. Татьяна Гавриловна вспоминает период, когда три с половиной года служила на орденосном «Дальзаводе», охраняя подводные лодки, уже укомплектованные экипажами и готовые в любое время выйти на охрану морских рубежей необъятной страны. Затем долго работала в сфере здравоохранения, на железной дороге. На Дальний Восток попала по набору советской молодежи для строек народного хозяйства. Думала, уезжает ненадолго, но «задержалась» на 50 лет.

Изрядно намыкалась по удобствам и съёмным квартирам, а когда началась бурная застройка города Владивостока крупнопанельными домами,

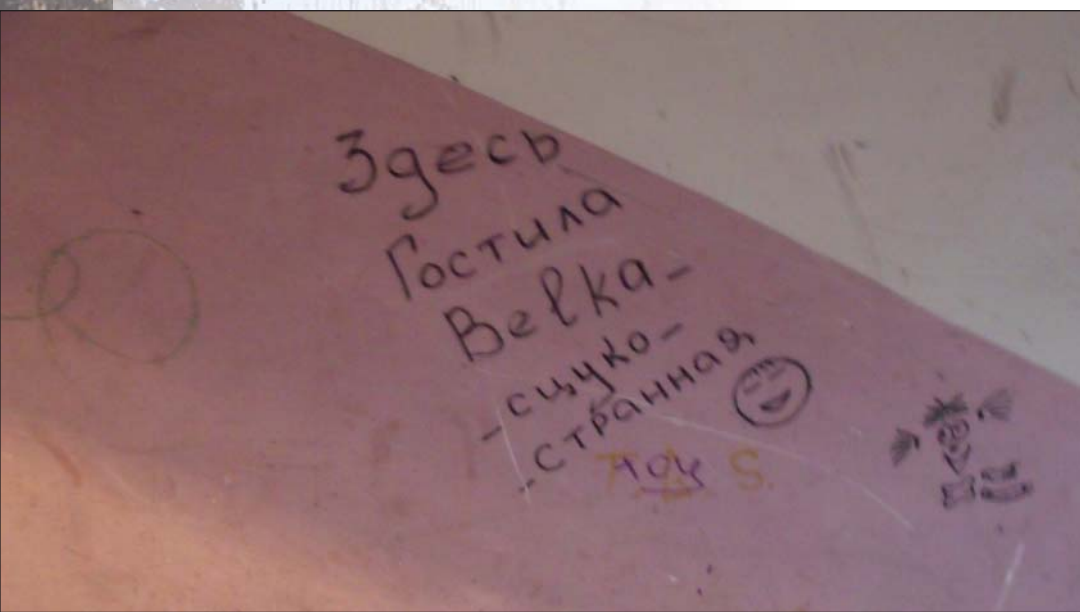
как сильно переживала мама. И ещё она запомнила призывно и торжественно звучащую песню «Вставай, страна огромная...». «Слова военного гимна запали в душу так глубоко, что по сей день мурашки по коже...», – рассказывает Татьяна Гавриловна.

Ей за семьдесят, но многие молодые люди могут ей по-хорошему позавидовать. Она в полном здравии, полна энергии и вовсе не похожа на пенсионерку. Читает книги, интересуется политикой. Бывает, конечно, и хвори донимают. В таких случаях она обращается к эскулапам. Но и в дни болезни она не унывает.

Татьяна Гавриловна человек интересный, с ней можно говорить часами на любые темы. Она принимает участие во всех общественных делах домового комитета. Добровольно помогала переписчикам во

вытребовала себе крохотную «гостинку» по ул. Чапаева, 16. Новоселье случилось в 1970 году. Оно оказалось первым и последним в трудовой жизни Т. Г. Пыко.

«До сих пор и живу здесь...», – показывает свои «хоромы» ветеран труда. Прошло 40 лет, но дом ни разу не отремонтировался. «Косметика» не в счёт. Некогда здание принадлежало швейной фабрике «Заря», однако предприятие развалилось, и до сих пор дом на баланс никто не взял. Уж больно дорого обходится его содержание. Только люди продолжают в нём ютиться. Точнее – существуют, несмотря на плачевное состояние и убогость своего жилища. Коридоры на всех этажах имеют неприглядный вид: краска на стенах облупилась, деревянные полы прогнили, линолеум сорван практически на всех этажах. Жильцы засти-

лают зияющие провалы клеёнкой. В щелях между половыми досками застряли окурки. Задымление здесь – привычное явление. Поэтому и пожарные в этом доме частые гости.

Как-то Татьяна Гавриловна проявила инициативу: попробовала разыскать хоть какие-то документы на этот многострадальный дом. Оказалось, что никаких бумаг на него нет. Получается, что дом «бездомный»... Управляющая компания отвечает односложно: мы не виноваты – нам по наследству досталась такая рухлядь. Тогда вопрос: зачем брали на баланс? Вероятно, с одной целью – обирать жильцов. Люди исправно перечисляют деньги на ремонт подъездов и коридоров, только ремонта как не было, так и нет.

Показывая квитанцию на уплату за электроэнергию, Татьяна Гавриловна недоумевает: «Опять 300 рублей счётчик «накрутил». Да у меня из электроприборов-то чайник да телевизор... Откуда такая сумма?!» Ходила ветеран труда в Дальэнерго. Объяснили: начёт идёт и на электроэнергию, которой освещаются подъезды, коридоры, лестничные площадки, подсобные помещения. Такие вот аргументы.

Помимо изложенных изъятий, имеются в доме и такие, от которых жильцы отгородились массивными железными дверями. Окружение здесь – не позавидуешь: наркоманы, алкоголики, любители шумных застолий...

Увы, но Татьяна Гавриловна не единственная, кому поневоле приходится в преклонном возрасте испытывать жизненные неудобства. На своих одиннадцати квадратных метрах она имеет только спальню, сидячую ванну да туалет. Нет ни прихожей, ни кухни. Если соседи давно успокоились, устав искать правду, то Т. Г. Пыко продолжает хождение по мукам.

«Таких, как я, детей войны, – говорит Татьяна Гавриловна, – осталось всего ничего. Помню, как люди радовались сообщению Левитана о победе над фашистами. Думали, вот заживём теперь! Пусть детство было холодным и голодным, молодость прошла в трудах и заботах, ну уж в старости, на пенсии восполним

упущенное... Не тут-то было. Дети войны до сих пор не приравнены к категории ветеранов, как, например, труженики тыла. Не положены, выходит, нам ни ремонт жилища, ни тем более ремонт квартиры за счёт государства».

Ветеранов войны торжественно чествовали в год 65-летия Великой Победы, не за горами 9 мая нового 2011 года. Вспомнит ли государство о тех, кто ребёнком принял на себя все тяготы тыловой жизни, помога-

вая фронту всем, чем было можно?..

Долго терпела Т. Г. Пыко, и отправила письмо премьер-министру РФ Владимиру Владимировичу Путину. «25 июня, в аккурат на свой день рождения, письмо-то и послала в Москву. Предложила оказать помощь детям войны, закон хороший издать. А то, выходит, вроде как и нет таких людей в нашей России», – завершает свой рассказ Татьяна Гавриловна.

Письмо, нужно заметить, уж больно долго идёт в Москву. На дворе 2011 год, прошло 8 месяцев со дня написания обращения пенсионерки из Владивостока ко второму лицу нашего государства, а ответа всё нет. Риторический вопрос: сколько же ещё ждать?

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Тимур КАМЕНЕВ,
г. Владивосток

СКАЛА

В морской дали,
Где волн шумливых гонки,
Стоит скала –
Отшельник одинокий.

Ей не страшны
Ни ветры на просторе,
Ни бездны мрак:
Ее стихия – море!

В зеленой мгле
Клубятся пеной воды,
И видят все
Седые неба своды.
Тоску скалы
Лишь только волны знают
Да туч гряда,
Что ветер разгоняет.

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Над морем вечер опустился,
И золотом простор разлился.
Уходит солнце в глубину,
Окрасив синюю волну.

Огнями небо полыхает,
И свет их море отражает.

Исчез меж ними горизонт,
И виден только рыжий фронт.

Куда-то парусник стремится,
И непонятно, где он мчится,
Играя ветром в парусах:
По морю или в небесах?

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Алексей СУСЛОВ,
п. Пограничный, Приморский край

Великое чудо свершилось при князе Владимире Святославиче: Русь, ищущая себя в метаниях духовных, приняла святое Православие и вошла наравне с Византией и Римом в сонм великих держав.

Стоял князь при реке Днепр и зорко глядел на свой народ. Видел ясные глаза женщин и детей, гордые взоры мужчин, и так спокойно стало за своё государство князю русскому, что закружилась голова. Обратил взор свой Владимир на ясное небо – три голубки резвились в лазурной синеве. Всё это так понравилось Владимиру, так по душе пришлось, что крикнул он во всю мощь: «Люблю тебя, Русь!» Многие из присутствовавших разделяли ликование князя.

Священники читали возвышенные молитвы, вода серебрилась, а люди, горячо любящие своего князя, погружались в реку. Так совершалось великое чудо Крещения Руси, становление Третьего Рима.

Впереди незримо вставали беды: монголо-татарское иго, Куликово поле, Петровские реформы, нашествие Наполеона, братоубийственная гражданская война, Гитлер и нацизм... Но в день Крещения земля жила миром благодатным, красиво цвели васильки и природа пела голосами дивных птиц. Стоял высокий князь и смотрел на великий Днепр, торжествуя и творя молитву: «Дай, Боже, нам не посрамить имя Твое, дай нам силу Твою, чтобы ни один враг не сломил наш дух. Слава Тебе, Христе Иисусе наш!»

Много было других великих моментов в истории России, но этот восхитительный миг торжества Православия так вошёл в нашу кровь, что без этого мы не способны свободно существовать на своей земле. Радуйся, сердце русское, восхвали князя Владимира, и да будет с нами правда Божия!

Внимание! КОНКУРС!

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Совсем недавно редакция «Литературного меридиана» подвела итоги сразу двух конкурсов: «Шумит волна, звенит струна...» и «Учитель – главный человек». В течение десяти месяцев мы принимали конкурсные материалы из разных городов России, ближнего и дальнего Зарубежья.

Сегодня мы спешим объявить новый конкурс – «Ребята нашего двора».

Приглашаем всех, кто дружен с литературным словом! Присылайте в редакцию рисунки, фотографии, стихи, рассказы, отрывки из повестей и романов, очерки и зарисовки о тех, кто живёт с

вами в одном дворе, кто был в прошлом или является сейчас вашим одноклассником, однокурсником, сослуживцем, добившимся выдающихся успехов в какой-либо сфере деятельности. Мы нисколько не сомневаемся, что такие люди были, есть и будут в нашей необъятной России всегда. Расскажите о них!

Работы принимаются до **30 ноября 2011 года**. Подведение итогов планируется провести в январе следующего года.

Редколлегия.

КАВАЛЕРИСТЫ НА ВОЙНЕ

Владимир ДОВЖЕНКО,
г. Москва

В 1919 году ему было 16 лет, бегал бы за девушками, влюблялся б и гулял до утра, отдыхая с друзьями после трудов крестьянских. Однако крепкий парень из рязанской деревни Горюшки отправился в Первую Конную армию к самому **Семену Михайловичу Будённому** в кавалеристы, воевать с нагрянувшими на наше Советское государство со всех сторон войсками европейских стран Антанты. Теперь деревни Горюшки не существует, а тогда это было большое село в 480 крестьянских домов со своим хозяйством. **Дмитрий Архипов** с детства любил лошадей, успел поработать конюхом в Горюшкинском колхозном хозяйстве, понимал их нрав и давно знал своё предназначение. Уходя из дома на гражданскую войну, он успокаивал мать с отцом весьма убедительными словам:

– Ведь сам Будённый тоже в молодые годы был конюхом у богатого графа, так говорили люди о нём. А смотрите ж, стал командиром Первой Конной армии нашей страны.

Первая мировая война, не успев закончиться, превратилась в гражданскую войну. Западные районы, от Прибалтики до Крыма, с 1918 года, были захвачены иностранными и белогвардейскими отрядами – **Петлюры, Деникина, Кастова и Махно**, а так же армиями поляков, французов, немцев и англичан. Союзники Германии отняли у обессиленной Советской России Бессарабию, западную губернию, и румыны чувствовали себя там хозяевами до самого 1940 года. В боях на Украине Конная армия Будённого громила иностранных оккупантов и ликвидировала прорыв немцев в районе города Умани, затем участвовала в боях под Киевом. Атаки конницы Будённого отличались молниеносностью, порой он лично принимал участие в схватках. Крестьяне рассказывали, что Будённый однажды с десятком всадников обратил в бегство армию генерала Деникина. Одним из того десятка храбрецов был герой моего рассказа Дмитрий Архипов из села Горюшки, награжденный орденом Красного Знамени.

Люди считали Будённого искусным наездником и невероятно отважным командиром; с 40 шагов он мог выстрелом из оружия погасить свечу. Такого же мастерства он требовал и от своих бойцов-кавалеристов. Позже были бои на Кавказе и в Польше.

В 1922 году Будённый уже командовал Северо-Кавказским военным округом, а в 1923 году назначен помощником главкома Красной Армии по кавале-

рии и членом реввоенсовета СССР, где и служил долгие годы второй мировой войны. Вооружённые Силы с 1925 года по 1940-й возглавлял **К.Е. Ворошилов**, слишком преданный **Иосифу Сталину** военачальник.

После участия в разгроме повстанцев генерала **Антонова** на Тамбовщине в январе 1921 года потомственный рязанский казак Дмитрий Архипов остался, по требованию С.М. Будённого, поднимать запущенное хозяйство тамбовского конного завода. По окончании гражданской войны Будённый много уделял внимания созданию и поддержке государственных военных конных заводов, а в Советской стране их насчитывалось несколько сотен. Все они находились в его ведении и под строгим контролем.

В работе по выведению верховой породы лошадей для армии участвовало большое количество селекционеров, учёных, ветеринарных врачей, конюхов, директоров конезаводов и других специалистов. Эта работа длилась 20 лет, до самого начала второй мировой войны. Обученных лошадей отправляли в пограничные, кавалерийские и другие воинские части. Лошадей приучали не только к сабельным сражениям, но и к выстрелам и взрывам, чтобы не боялись мчаться в атаку на любого врага.

Дмитрий Тимофеевич Архипов за участие в боях гражданской войны в составе армии Будённого был награждён двумя орденами Красного Знамени, это очень высокие государственные награды. До второй войны с Германией он продолжал работать директором Тамбовского коневодческого завода-совхоза. Тогда ему было 39 лет. В начале декабря 1940 года, за полгода до вторжения немецких войск в наше государство, учитывая напряжённую международную обстановку, обусловленную подготовкой Германии к новой войне в Европе, военное руководство СССР решило эвакуировать конезаводы в глубь страны, в Поволжье. И тогда же директор конезавода Архипов получил приказ перегнать табун лошадей подальше от Тамбова, в центральные районы европейской части Российского государства, в Симбирскую губернию. Как видим, уже тогда предпринимались меры предосторожности для сохранности боевых пород лошадей, чтобы не достались они германским захватчикам и чтобы не смогли враги наши использовать их в своих агрессивных целях. Строго было приказано: по прибытии на место отчитаться перед НКВД за возможную пропажу или гибель по болез-

ни отдельных лошадей. Необходимо было составить соответствующий акт в «органы госбезопасности» о каждом потерянном животном, а также надо было представить шкуру каждой погибшей лошади. А разве была реальная возможность при эвакуации огромного табуна своевременно подготовить шкуры павших животных – для отчетности. В принципе понятно, что кони – это ценный стратегический военный резерв любого государства. Были, конечно, случаи, когда отдельные лошади не слушались и убегали из табуна, их искали, или они погибали от тяжелых переходов через множество речек и по гористой местности.

На новом месте, в Сурском конезаводе, была организована приёмка с осмотром животных, тогда же обнаружилась недостача около десятка – полтора породистых скакунов, а это грозило серьезным наказанием. Командующий Красной Армией, Вооружёнными Силами Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов был популярен в стране, и про него слагали и пели в народе песни: «Товарищ Ворошилов, война уж на носу, а конница Будённого пошла на колбасу». Однако многие командиры и члены правительства не считали его талантливым военачальником по причине отсутствия военного образования, многих ошибок в руководстве армией и из-за участия в истреблении опытных командиров и генералов, не разделявших политику вождя.

28 декабря 1940 года главного ответственного за табун, директора Дмитрия Тимофеевича Архипова, вызвали в Москву, где две недели велось расследование, и судебным решением осудили его «за вредительство народному хозяйству» на 8 лет сталинских лагерей строгого режима. Все военные годы он провёл в заключении на севере Оренбургской области. Основным методом исправления и наказанием для всех заключённых была тяжелая работа на лесозаготовках в тайге, трудились там заключённые разных возрастов и сословий. Политзаключенные большей частью члены семей так называемых «врагов народа» – женщины, подростки целый световой день заготавливали брёвна и отгружали их волоком с помощью лошадей или, в лучшем случае, тракторами-лесовозами. Питались плохо приготовленной горячей пищей утром и вечером, когда привозили их на телегах в лагерные бараки на отдых. А днём собирали ягоды и кедровые орехи в лесу, так как пищу в тайгу им не доставляли. С обрубленных веток одного кедра можно было снять немало смолянистых шишек с орешками. Люди давно знали, что, питаясь кедровыми орехами (а их было достаточно даже в самый неурожайный год), не будешь испытывать голода. Они знали, что кедровые орехи содержат очень много витаминов, повышают иммунитет и сопротивление организма заболеваниям. В тайге, где трудились заключенные, всегда было много различных ягод: это клюква, дикая малина, морошка, смородина, рябина, боярышник. Эти дары природы были единственной радостью на каторжной работе.

Вернувшись через 8 лет в село Горюшки из мест заключения, Дмитрий Тимофеевич Архипов нашел разрушенное войной родное село почти непригодным для жизни. Он перебрался в другое село – Алексеевка, на окраине которого поселился и долго потом трудился кузнецом и ковалем. Опять же имел любимое дело с горячим металлом и лошадьми, изготавливал и крепил подковы на копыта самодельными гвоздями. Мастерил он из разбросанного войной металла и домашний инструмент: молотки, кирки, ломы, шарниры-петли к дверям и воротам. Наибольшим спросом пользовались у мирного населения кованые гвозди для строительства новых и ремонта сохранившихся крестьянских изб.

Кузнецы не случайно всегда жили и строили свои кузницы за версту от посёлка, чтобы не будить металлическим звоном население ближайших деревень; у людей должно быть своё жизненное пространство для отдыха после нелёгких трудов в поле или дома.

Нашел Архипов Дмитрий свою мать и жену, и ещё долго ждали всей семьёй с войны пятерых братьев, но так и не дождались, погибли они наверняка или пропали без вести. Мать-старушка, молясь перед домашними иконами, частенько бормотала:

– Это ж, Боженька, ты нам послал такие испытания, дети мои полегли на войне, защищая свою родину, да храни их память и защити наш дом от несчастий. И только одного сыночка вот таким способом оставил мне, матери, живым в помощь на старости лет, пережившим такие жуткие испытания.

Перед войной пастухом и перегонщиком табуна лошадей трудился, вместе с Дмитрием Архиповым, опытный конюх **Николай Семёнов**, муж родной сестры, хорошо повадки коней и жеребят. Николай участвовал в великой Сталинградской битве на Волге с июля 1942 года по 2 февраля 1943 года и его боевой путь был отмечен восемью орденами и десятью государственными медалями нашей Родины.

В военное время формировались оперативные подразделения кавалеристов различного назначения, и по численному составу это были взводы, роты, эскадроны, батальоны, полки и даже кавалерийские армии. Из табуна тамбовских лошадей директора Архипова был создан специальный эскадрон численностью в 200 всадников и направлен весной 1942 года, в составе других армейских частей, навстречу группировке немцев, двигавшейся к Воронежу и Липецку. В те дни немцы пытались взять защитников Московской области с юго-востока в кольцо. Нашим кавалеристам предстояло выдержать сражение против южного клина 17-й мотопехотной немецкой армии, конной немецкой армии и первой танковой армии фашистов.

Однажды, это было в боях в Воронежской области в июле 1942 года, получен был приказ выдвинуть часть эскадрона истребителей танков численностью в один взвод (это около 30 всадников) на пару

километров за нашу оборонительную линию и разместить их в лесу в засаде. Мимо по лесной дороге, на открытой местности, должна была проходить колонна немецких танков с небольшим прикрытием пехоты. И там же должен был пролечь рубеж, откуда противник намеревался, выстроив их в боевую линию, атаковать наши окопные позиции, укрепленные миномётами и артиллерией. У каждого нашего кавалериста, кроме сабли и автомата, были противотанковые гранаты. В тот момент, когда вражеские танкисты были увлечены развёртыванием из колонны в боевую линию для атаки, наши кавалеристы устремились с тыла на германские танки и пехоту. На скаку из автоматов расстреливали они шагавших между бронемашинами вражеских солдат и бросали мощные противотанковые гранаты на жалюзи моторных отсеков, расположенных сзади башни танков. Атака получилась внезапной и успешной, приказ был выполнен, танки немецкие не прошли рубеж нашей обороны.

Многие истребители-кавалеристы и их кони погибали или получали ранения – у бойцов, сидящих в седле, было буквально несколько секунд, чтобы, спасаясь от мощных взрывов танков, быстро исчезнуть с места сражения. Кому повезёт, а кому нет.

С тяжёлыми ранениями после одной из боевых операций в полевой госпиталь был доставлен тогда **Алексей Павлович Попов**, москвич, кавалерист эскадрона истребителей танков. Его, в бессознательном состоянии застрявшего в стремях, притащил к своим верный конь.

Очнулся солдат на операционном столе, лежащим на животе, с множественными осколками в спине и голове. Военные доктора хирурги извлекли из спины шесть небольших осколков. А вот три очень мелких осколка остались с ним на всю жизнь. Получив инвалидность 2-й группы по ранению, сразу решил идти воевать, до победного дня. Вернувшись в часть, Алексей Попов продолжал воевать командиром разведгруппы в эскадроне кавалеристов. Он участвовал в жестоких боях при прорыве фронта в районе села Городище, которое представляло собой мощно укрепленный узел обороны немцев в Рязанской области, оккупированной ещё осенью 1941-го.

Награждён Алексей Павлович Попов многими боевыми наградами, как и другие его товарищи-

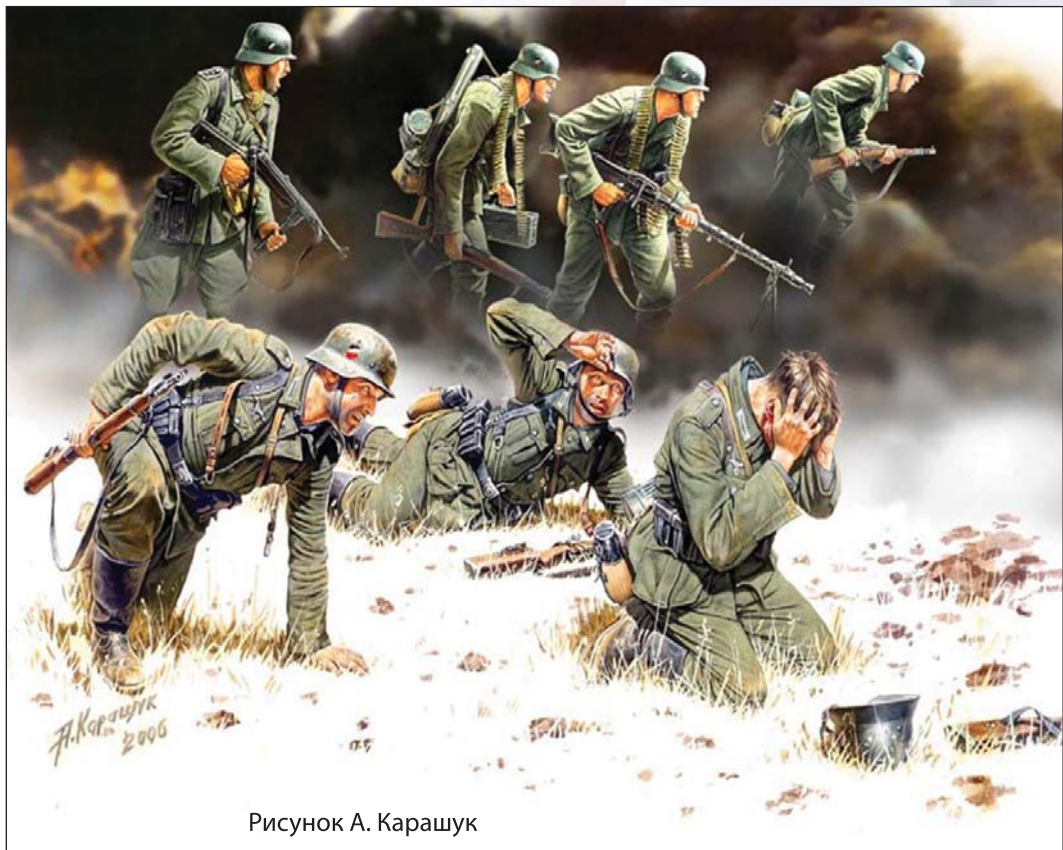

Рисунок А. Карашук

кавалеристы. С мелкими осколками в голове наш герой-фронтовик после Победы над фашистской Германией жил и трудился в Москве. Дожил до 83 лет, потеряв зрение из-за фронтовых ранений. Высокий, крепкий, с палочкой в руке, Алексей Павлович в свои немолодые годы был бодр, общителен, не терял интереса к жизни, но уже только по голосу узнавал знакомых и соседей по дому. В последнее время много трудился в научно-производственном объединении НИИЦЕВТ в Москве начальником одного из отделов по разработке специальной вычислительной техники. В 1983 году Алексею Павловичу дали новую квартиру в многоэтажном доме, а в 90-х годах, благодаря правительству Москвы, он получил последнюю модель автомобиля «Москвич», на котором старший сын возил его на дачу, в госпиталь для ветеранов войны на обследование и куда надо было по необходимости. Рад был такому вниманию и очень дорогому подарку в честь 55-летия Великой Победы над фашистской Германией наш ветеран второй мировой войны.

Беспримерный подвиг защитников нашей Родины: кавалеристов, лётчиков, танкистов, моряков и воинов всех других родов войск – навсегда запечатлены в памяти народной, с великой благодарностью за жизнь, завоёванную для нас, за долгожданную победу над врагами нашего Отечества.

Слава героям-освободителям нашим! Война ведь – одна из величайших бед народа, и очень было бы хорошо, если бы она никогда больше не повторялась...

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается ОДИН раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора Ко'стылева Владимира Александровича по адресу издания:

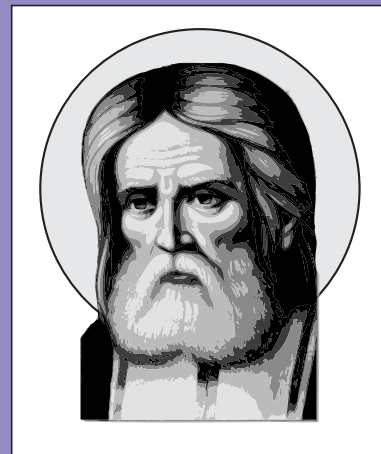
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанно
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Фото Елены ДОРОВОЙ, г. Хабаровск

Фрагмент картины «Тайга». Игорь ПИНЧУК, с. Староварваровка, Приморский край